

Кира Фарди

Кукла для мерзавца

«Литнет»

2020

Фарди К.

Кукла для мерзавца / К. Фарди — «Литнет», 2020

ПЕЧАТНАЯ КНИГА ЕСТЬ в ЛАБИРИНТЕ и на ОЗОНЕ Я думала, что любима и желанна. Смотрела шальными глазами на Марка Вишневого, таяла от восторга и тут случайно узнала, что записана у него в смартфоне под ником «Кукла № 10. Рыжая». Но было уже поздно. Мажор-миллионер воспользовался мной и бросил самым жестоким образом. Я поняла: успокоюсь только тогда, когда смешаю этого мерзавца с пылью под ногами! Пять лет точила «клыки» и строила планы, и вот день возмездия настал...Обложка от Оксаны Северной.

© Фарди К., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Пролог

Сегодня я буду мстить.

Серьезно!

Жестко!

С наслаждением!

Я ждала этого момента пять лет, и уж поверьте, получу максимум удовольствия.

И неважно, что ресторан при отеле «Шантилье» сияет праздничными огнями, и хочется просто наслаждаться изысканным интерьером, морской кухней и приятной компанией.

Большая веранда, где мы сидим с подругами, с французским шармом оформлена в светлых тонах. Но вечером она теряется в загадочных лиловых оттенках, разбегающихся от настенных светильников и зеркальных колонн.

Гости, приехавшие отдохнуть в бархатный сезон в этот курортный город, наслаждаются морскими пейзажами, жарким солнцем, устрицами во льду и бездельем.

— Ну, за нас, девочки! — поднимает бокал с шампанским моя однокурсница Аня Попова. После окончания университета она вышла замуж за школьного друга и вернулась в родной город.

Мы сидим у балюстрады и смотрим на море. Легкий бриз овеивает вечерней прохладой лица, играет негромкая живая музыка, внизу качаются ветки пальм, переливаются огоньки близкой бухты, иногда взрываются гудки теплоходов. Наверху — лепешка луны, окруженная густой чернотой, в которой перемигиваются звезды. А еще море волнами набегают на берег и, кажется, говорит со мной, успокаивает, дает надежду.

Красиво, богато, изысканно...

— Ура! Я так рада, что мы наконец-то смогли собраться! — вторит Полина, двоюродная сестра Ани. Она, как иголка за ниткой, потянулась следом за кузиной. — Помнишь, Ника, как мы сопливыми студентками отрывались здесь после первого курса?

Помню. Конечно, помню, тысяча чертей!

Те дни на всю жизнь отпечатались в моей памяти.

Я кручу изящную ножку бокала, но не тороплюсь выпить золотистое шампанское. Просто смотрю на бывших подруг, иногда ловлю свое отражение в ближайшей колонне, но чаще поглядываю на широкую, по-царски украшенную лестницу, по которой элитные гости поднимаются на высокую веранду.

Сколько воды утекло с последней нашей встречи, сколько планов рухнуло...

Этот город, этот ресторан, эти девушки...

Я выбрала это место намеренно.

Именно сюда любит приезжать на отдых Марк Вишневский, моя первая любовь и мой враг номер один на всю оставшуюся жизнь. Здесь, на побережье, у его отца скромное, по меркам богачей, бунгало, куда Марк из года в год приводит очередную юную куклу, чтобы запудрить ей мозги роскошью, крутой тачкой, шальным бездельем...

А потом так же легко, как соблазняет, выбрасывает влюбленную дурочку на помойку, без денег и билетов на обратную дорогу.

Так он сделал со мной, думаю, также поступает и с другими. Кажется, мажору-ловеласу не хватает желания, чтобы изменить сценарий. Пять лет я наблюдаю за ним, и все годы он действует по привычной схеме.

Мсть, говорят, блюдо холодное. Избитая фраза, но верная.

Ну что ж! Я собрала необходимые ингредиенты, перемешала, на жарком огне приготовила аппетитный сюрприз и вот-вот подам к столу.

— Девочки, вздрогнем! — наконец говорю и я.

Звон бокалов ласкает слух. Я наклоняю голову и рассматриваю играющие в золотистом напитке пузырьки. Точно так же во мне бурлит нетерпение.

— Ника, ты с нами?

— Обязательно, девочки, — делаю глоток шампанского.

— Слушайте, может, зря мы сели на веранде? — вдруг вспоминает Полина. — Не хочу, чтобы птичка какнула мне в тарелку.

— Ты что! — Аня давится шампанским, закашливается и стреляет взглядом в мою сторону. Кажется, она тоже помнит, с чего началась эта история.

— Не бей меня по ноге! — поджимает губы Полина.

— А ты не тупи! Над головой натянута москитная сетка, поэтому ни птички, ни насекомые сюда не залетают.

Я слушаю однокурсниц вполуха, стараюсь сдержать в груди гнев, внушаю себе: «Ты давно простила подруг. Простила». Но в сердце эти слова, увы, не находят отклика.

Мой взгляд прикован к лестнице.

— Ты кого-то ждешь? — спрашивает Аня.

— Нет, что ты! — смотрю на нее. — У меня, кроме вас, в этом городе знакомых нет.

— А Никита?

— Он же в плавании.

— Да. Знаю. Мы с Полей так удивились, когда ты позвонила!

Еще бы! После того злополучного дня много воды утекло.

Мы стали старше, мудрее, даже красивее. Я смотрю на подруг: обе пухленькие брюнетки с миндалевидными черными глазами. Они одеты в наряды одного бренда, их ногти украшены похожим маникюром. Кузины отлично дополняют друг друга. Не удивлюсь, если Полина выскочит замуж за брата мужа Ани (мозг сломаешь, пока представишь эту родственную цепочку), и будут они жить счастливо и дружно большой семьей.

— Как там Москва?

— Стоит. Что ей сделается?

— Иногда так хочется пробежаться по коридорам универа, — вздыхает Аня, делает паузу, а потом лукаво смотрит на сестру и меня и шепотом продолжает: — Увидеть в окно аудитории, как СВ подкатывает на своем красном кабриолете.

— Ага! — мечтательно закатывает глаза Полина. — Сладкая Вишенка... М-м-м, так и хочется попробовать его на вкус.

Она высовывает розовый язычок и сладострастно облизывает губы.

— Молчи, дуреха! — вдруг спохватывается Аня, тычет сестру локтем в бок и косится на меня. — Нике, наверное, неприятно.

Но я камень. Гранитный монумент. Я давно заковала душу в панцирь: не вижу, не слышу, не чувствую.

Перевожу взгляд с подружек на лестницу и замираю...

По ней поднимается пара. Сначала я вижу головы, потом тела по пояс, и вот перед глазами появляются высокий, смуглый от загара красавчик в черной футболке и светлом блейзере и миниатюрная блондинка в облегающем белом платье.

Парень кивком здоровается с администратором, сразу видно, что он завсегдатай этого места, а девушка не отводит восхищенного взгляда от спутника.

Это он!

Марк Вишневский, Сладкая Вишня для девушек и СВ для друзей.

Сердце стукнуло раз, другой и пошло маршировать по ребрам. Каждый нерв замер в предвкушении.

Вот-вот начнется представление.

Глава 1

Ура! Свобода!

Прощай, родное сибирское село Кукуево — зеленая пастораль, наполненная жужжанием гнуса и слепней. Прощайте, туалет во дворе и грязные дороги!

Я студентка, и я в Москве!

Хотелось летать, как бабочка, порхать от счастья, здороваться с прохожими, спускаться бегом по эскалатору и кружиться в парке университета на Воробьевых горах. Экзамены, выпускной, трудное поступление в престижный вуз — все осталось позади. Теперь можно полной грудью вдохнуть загазованный воздух родной столицы и расслабиться.

Увы! Не получилось.

Первый день в университете врезался в мою память на всю жизнь.

От волнения я долго не могла заснуть, в результате поздно выскочила из общежития и чуть не опоздала: перепутала, идиотка, остановки метро, вот и потеряла время. Прибежала, запыхавшись, и выдохнула только в холле первого корпуса гуманитарных факультетов.

Вытирая пот со лба, нашла нужную аудиторию и хотела уже войти, как по коридору прокатился девичий визг:

— СВ приехал.

— Где? Где он?

— Там! Повернул к стоянке.

— О!

«СВ? Что за странное прозвище?», — подумала я.

Оглянувшись на голоса и оторопела: из коридора на меня неслась толпа крикливых девчонок. Я попятилась и едва успела прижаться к стене, как мимо мелькнуло стадо юных телочек с блестящими от возбуждения глазами. Девушки бросились к окнам. Я кинулась за ними, не понимая, что случилось. Протиснулась к стеклу.

— Где? Девочки, где он?

«Кто — он?», — недоумевала я, ничего не понимая.

И тут... у высокого крыльца как раз под нашими окнами остановилась красная машина с открытым верхом. Я такие роскошные автомобили видела только в кино. Из нее показался красавчик в стильной кожаной куртке и, задрав голову, милостиво помахал девчонкам.

— О, Марк!

— Какой он классный!

— Вот бы прокатиться на такой тачке!

— Так он тебя и позвал!

— А что, и помечтать нельзя?

— Девочки, он заходит!

Визжащая кучка студенток отхлынула назад и кинулась к двери. Я — за ними.

Марк, растягивая рот в широкой улыбке, шел по просторному холлу к парадной лестнице, а следом неся восторженный шепот.

«Идиотки они, что ли? — бурчала про себя я. — Совсем спятили! Обычный мажор».

Я развернулась и направилась к аудитории.

— Привет, рыженькая куколка, — раздался сзади голос с интонацией кота на вязке. Точно так мяукал наш Барсик, когда пристраивался к соседской кошечке. — Новенькая?

Я обернулась, хотела сказать что-то типа: «Вали колбаской...», — посмотрела и... пропала.

Глаза цвета расплавленного гречишного меда, на который упал луч солнца, пронзили меня насквозь, а эта дурочка, душа, растеклась липкой лужицей и перестала слушать голос разума.

— Д-да, — заикаясь, ответила я.

Но мир вокруг уже не существовал. Вот так сразу провалился в тартарары, словно его и не было.

— Ну-ну, бывай, — донесся издали бархатный голос.

Марк легонько провел пальцами по моей щеке, потрепал подбородок, обдал запахом дорогого парфюма и, окруженный свитой поклонниц, пошел дальше, возвышаясь на полголовы над толпой. Я стояла, словно пригвожденная к полу, и не могла пошевелиться. Еще ни один парень не производил на меня такого сильного впечатления.

— Эй, ты чего? — подняла глаза: рядом оказались две девчонки. — Отомри. Этот красавчик на нас даже не посмотрит.

— Посмотрел же...

— А-а-а, это он так, для развлечения. Короче, забей! Тебя как зовут?

— Вероника.

— Классно. Будешь Никой. Я Аня, а это, — девушка показала на свою молчаливую подружку, — моя кузина Полина.

— А почему его прозвали СВ? — несмело поинтересовалась я.

— Да все просто. Марк Вишневский — сын Ивана Вишневого, владельца франшизы «Сладкая вишня», отсюда и СВ.

— О-о-о! — только и смогла выдавить я. — О-о-о!

Косметику этой фирмы знали абсолютно все. На экране телевизора, телефона и компьютера постоянно мелькала реклама этого бренда. В самой захудалой сельской лавчонке стояли темно-бордовые, почти черные, баночки с кремами и бутылки с лосьонами, на которых золотом было написано «Сладкая вишня». Даже у меня в сумочке лежал тюбик фирменной помады.

Несмотря на бюджетные цены, косметика не уступала мировым стандартам, поэтому ею пользовались все мои знакомые девчонки. Я даже вообразить не могла, какие деньги крутятся в этой сфере, настолько была далека от большого бизнеса и его представителей. Марк для меня был небожителем, с которым наши пути пересеклись только раз.

Наивная, я не понимала, что у судьбы на нас свои планы.

Лекцию по языкознанию я почти не слушала. Преподаватель, молодой и худощавый татарин, легкий, как мотылек, летал вдоль доски, рассказывая о сравнительном языкознании. Он ловко чертил таблицу и на восьми языках доказывал сходство корней некоторых слов. Мы только удивленно качали головами. Иногда преподаватель поворачивался к нам и спрашивал:

— Девочки, все понятно?

— Нет! — дружно выдыхали мы.

— Нужно было идти в швей-мотористки, тогда было бы понятно, — резюмировал он и снова взлетал.

Наконец наступил тот момент, когда я отключилась от лекции, потеряла ее нить. И перед глазами сразу появился мажор, а мысли уплыли далеко-далеко в мечты и обещали забыть вернуться. Звонок прозвучал неожиданно. Я встрепенулась и вскочила.

— Ника, ты куда?

— В туалет.

Но это была простая отговорка. В душе я надеялась, что выйду за дверь, а там опять — он. Сердце так и замерло от предвкушения встречи.

Но в коридоре царила суматоха перемены. На полу и на широких подоконниках сидели студенты. Они весело смеялись, о чем-то говорили, спорили, и мне пока не было места в их мире.

Я бродила без цели, и тут меня толкнули. Оглянулась — никого. Видимо, случайно, народу много. Сделала два шага и опять чуть не упала от толчка. Что за чертовщина?

Поискала взглядом помеху и наткнулась на пару серых ехидных глаз. Их хозяйка, высокая и тощая, как хлыст, девица с выбритыми висками, рявкнула:

— Что уставилась, коза?

— Я-я ничего. Извините.

Девица пошла прямо на меня, я отпрянула к стене.

— Ладно тебе, Лерка, не приставай к малявке, — остановила ее другая, симпатичная брюнетка с хвостом на голове. — Напугала девчонку.

Не понимая, кому вдруг перешла дорогу, я нырнула в туалет и встала у зеркала. Лицо как лицо, ничего выдающегося. Бледная кожа, как у всех рыжеволосых от рождения, на носу — россыпь веснушек, светло-голубые глаза. Косметика меня только портила: я становилась похожа на размалеванную куклу, поэтому старалась делать макияж по минимуму.

Дверь неожиданно распахнулась, и на пороге появилась та длинная красотка, которая толкнула меня в коридоре. Я внутренне сжалась. Что ей от меня надо? Из кабинки вышла студентка.

— А ну! Сдристула отсюда! — шикнула на нее стриженная.

Девушка испуганно пискнула, протиснулась к двери и сбежала. Мы остались одни. Сердце заколотилось где-то в горле, которое мгновенно пересохло от предчувствия схватки.

Не дамся! Ни за что! Буду защищаться ногтями и зубами, раз слов не понимает!

Я внутренне сгруппировалась: никогда не была трусихой, но и на рожон не лезла без дела. Бочком-бочком двинулась к выходу. Дылда преградила мне дорогу. Я — к раковинам — она опередила меня, я — в кабинку, девица захлопнула дверь перед моим носом.

— Слушайте, что вам от меня надо? — с вызовом уставилась на девицу, прикидывая, что могу заехать ей головой в живот, а потом пройти кулаками по бокам, пока она не опомнилась. Наверняка не ожидает отпора от мышки-провинциалки. — Я вас даже не знаю.

Девушка вдруг стукнула ладонью по стене возле моего лица, я подпрыгнула от неожиданности. Колени подогнулись, я наклонилась и приготовилась броситься первой, хотя все тряслось внутри. Но... кукуевские девчонки не плачут!

— Еще раз увижу тебя рядом с СВ, — прошипела незнакомка и сунула мне кулак под нос. — Гляди, чем пахнет?

— И что? Да пошла ты в задницу!

Незнакомка выпрямилась, посмотрела на меня свысока. Наверное, ей показалось, что слова были не очень убедительными, поэтому студентка схватила мои волосы, намотала на руку и прошипела прямо в ухо:

— Ах ты, рыжая дрянь!

— Отпусти, бритая стерва! — оскалила я зубы: с волками жить — по-волчьи выть — и вцепилась в ее запястья.

— Не, ты совсем нюх потеряла? — дылда встряхнула меня и резко отпустила.

Слезы чуть не брызнули из глаз от боли. Казалось, сейчас с меня снимут скальп.

— А ты ко мне не лезь! — огрызнулась я и на всякий случай отступила ближе к двери. — Твой понтовый мажорчик мне до лампочки! Отвали, пока я добрая!

Сказала и замерла: сейчас мой первый день в универе станет последним. Вернусь домой и пойду работать на ферму по разведению племенного скота. Бычкам хвосты крутить буду, как говорила моя мама, когда я не хотела учиться.

— Ладно, подруга! Я тебя услышала, — неожиданно засмеялась дылда. — Марк мой, и точка!

— Вот и ладно. Меня от таких сладеньких блевать тянет.

— Ой, не говори «гоп», пока не перепрыгнешь!

— И пробовать не собираюсь. Совсем!

— Вот это другой разговор. Все равно он всех разовых подружек под одним ником в телефон записывает, даже имя запомнить не заморачивается.

Лерка хохотнула, сложила большой и указательный пальцы колечком и щелкнула меня по носу. Я взвыла от боли и бросилась на нее. Ударила сначала по ноге, а потом намертво вцепилась в борта кожаной куртки. Дылда попыталась меня скинуть, но не вышло: опыт в драках кое-какой имеется.

Девушка сделала мне подножку, мы с грохотом упали на пол. Обе заорали от ярости и боли, и в этот момент дверь распахнулась. Подуло сквозняком, а потом кто-то закричал:

— Ах вы, паразитки! Что удумали!

Я в этот момент уселась на Лерку верхом и была спиной к двери, вот по лопаткам и получила чем-то тяжелым. Бритая девушка столкнула меня и вскочила. Я села и обернулась. Передо мной стояла женщина средних лет в униформе уборщицы и держала наперевес швабру.

— За что? Это все она...

От обиды и злости у меня даже слезы высохли.

— Лерка, хочешь к декану на ковер? — уборщица погрозила шваброй, протянула мне руку и помогла встать. — Что к малолетке прицепилась?

— Ага! Малолетка! Смотри, Галина Ивановна, что эта мелкая тварь мне сделала.

На шее Лерки и правда красовалась длинная царапина. Девушка смочила палец водой и приложила его к коже.

— Ты у меня тоже клочок волос выдернула, — пробурчала я.

— Давай, Лера, топай отсюда, пока я охране на беспредел не пожаловалась.

Дылда вылетела из туалета, хлопнув дверью, а я попыталась привести себя в порядок.

— Из-за Вишневого, поди, сцепились? — не успокаивалась уборщица. — Ты, милая, держись от этого парня подальше. Он берегов не видит, сломает тебе жизнь и не заметит.

— Зачем мне ваш мажор сдался? — с силой сказала я. — Первый раз его сегодня увидела.

— Не скажи! У Лерки нюх, как у собачонки: она издалека опасность чувствует.

— Вот и забирайте этого понтореза себе!

— Т-ю-ю-ю! А мне он зачем? Сопли вытирать? Ох, узнает его папаша, что сынок вытворяет, сошлет парня на Колыму.

— Думаете, не знает?

— А кто ему расскажет? Ректор перед Вишневым на цыпочках ходит, главный спонсор университета, не хухры-мухры.

— И все равно, он мне точно не нужен.

— Вот и славно. Ступай, милая, звонок на занятия давно уже прозвенел.

Я вышла из туалета и остановилась у окна: на свою пару все равно опоздала. В коридорах и рекреациях было тихо. Из каждой аудитории доносились голоса лекторов. Обычный день столичного вуза. Кто же знал, что в нем такие страсти кипят!

Я уже повернулась, мечтая выбраться на свежий воздух, чтобы привести в порядок мозги, как новая мысль поразила меня. Лерка сказала, что всех подружек Марк заносит в телефонную книжку под одним ником. Интересно, каким?

С этого мгновения конкретная цель занозой засела в мозгах.

Несколько месяцев я училась исправно и не высовывала носа из аудитории. По коридору пробиралась как мышка и только с подругами. Длинная Лерка не слишком напугала меня, но я поступила в универ, чтобы учиться. Мне приключения на пятую точку не нужны. Возвращаться в родное Кукуево с позором я не собиралась.

А вот с Аней и Полиной мы не расставались: рядом сидели на лекциях, переписывали друг у друга конспекты, прикрывали прогулы на занятиях и... подглядывали за Марком Вишневым.

— Смотри, Марк опять сменил машину. Вот выпендрожник! — качала головой Аня.

— Да, папаша на сыночка деньжат не жалеет, — соглашалась Полина.

— Неужели не найдется та красотка, которая этого мажорчика приберет к рукам?

— Да леший его знает! — Аня наклонялась к нам ближе и шептала: — Слышала, вчера Олеська с четвертого курса вены себе порезала.

— О, ужас!

— А Марк что?

— Ничего. Его в ресторане на Цветном бульваре с какой-то моделью видели.

Я слушала подруг вполуха, делала вид, что меня эти траблы[1] не интересовали. Ну, влюбилась какая-то дуреха в мажора, и что? Так ей и надо, если головы на плечах нет и достоинства! Но однажды не выдержала и спросила:

— Говорят, СВ всех девчонок, с которыми встречается, под одним ником в телефон записывает. Слышали о таком?

— Да ты что! — хором воскликнули подружки. — Нет, девочки ничего не говорили. Давайте узнаем!

Подружки воодушевились: намного интереснее вести расследование, чем зевать от скуки на языкознании. Однако наши расспросы ни к чему не привели. Все девчонки, которые провели хотя бы один вечер с Марком, твердили, что в его телефон не заглядывали.

— А как он тебя называл, когда вы встречались? — теребила Аня очередную жертву любви.

— Куклой, куколкой. Малышкой еще.

— А по имени?

— Девочки, отстаньте! Я не помню. Не до того было! Марк... он такой... такой...

Заметив, как глаза девушки покрылись пеленой слез, мы сбежали.

— Ладно, Ника, хватит! — отмахнулась от меня Полина. — Зря мы тормозим несчастных девчонок. Не такой уж Марк и мерзавец, раз куколками подружек называл. Не целками же!

«Значит, Лерка меня на понт взяла, — успокоилась я. — Просто захотела от помехи избавиться».

Разговоры однокурсниц постоянно крутились вокруг Марка и будили во мне любопытство и... фантазию. Лежа в постели, часто представляла, что бы делала я на месте брошенной самым бессовестным образом девушки. Марк для меня был как киноактер — сладкая, но недосягаемая мечта провинциальной девчонки, выросшей на любовных романах серии «Шарм».

Подружки просто веселились и обсуждали с однокурсницами каждый наряд мажора, успокаивали очередную влюбленную девчонку и втайне мечтали оказаться на ее месте, надеясь, что только они смогут удержать этого ловеласа возле своей юбки.

Для меня же это развлечение стало жизненной потребностью. Я боялась признаться себе, что каждый раз замираю, слушая новую историю о приключениях Марка. Иногда встречала в коридорах университета тощую и бритую пацанку Лерку. Она показывала растопыренными пальцами сначала на меня, потом на свои глаза, «смотри, коза, наблюдаю за тобой», и я проходила с гордо поднятой головой: меня эта тема не касается.

Я уже знала, что девушку прозвали телохранителем СВ. Она училась на третьем курсе, занималась боевыми искусствами и так же, как со мной, расправлялась со всеми новичками, чтобы несчастные провинциалки даже смотреть не смели в сторону Марка.

Но, как я ни боролась с собой, все равно мечтала столкнуться с мажором в коридоре, чтобы он еще раз сказал мне:

— Привет, рыженькая крошка!

Иногда встречала его, но Марк, смеясь, проходил мимо. И всегда с новой подружкой. Он клал ей руку на талию или на попу, в зависимости от ситуации, и шептал что-то на ухо, а она заходила с счастливым смехом.

Все изменилось весной...

[1] Trouble — от англ. — проблема

Глава 2

Наш факультет долго готовился к конкурсу талантов «Студенческая весна». Помогали нам старшекурсники. Однажды на репетицию пришел и Марк. Он поставил на сцену стул, сел, кто-то принес ему гитару.

— Ну, что петь будем? — весело обвел он взглядом нас, первокурсниц, стоявших вокруг.

— Выбери сам.

Марк наклонил голову набок, я хотела уйти, но вместо этого придвинулась. Первый раз я видела мажора так близко. И тут мы встретились взглядами, меня словно парализовало. «Узнал или не узнал?», — забилась в висках паническая мысль.

Но Марк тронул струны и запел «Группу крови», песню Виктора Цоя. Первые же звуки поразили меня. Мягкий баритон совсем не походил на металлический голос знаменитого певца, но песня от этого нисколько не потеряла привлекательности.

Умелые пальцы ударили по струнам в последний раз, и в зале наступила тишина. Сцена освещалась только одним фонарем. В центре, где стояли мы, был круг света, а все остальное тонуло во тьме. Мне показалось, что мы перенеслись в волшебный мир сказки. Вот-вот двери откроются, и войдет король, который крикнет:

— Меня никто не любит! Все, ухожу в монастырь!

Он сдернет с головы парик с белыми буклями и кинет в нас. Ощущение было настолько сильным, что я сделала шаг вперед, словно хотела поймать этот парик. Кто-то схватил меня за руку. Я вздрогнула и очнулась.

— А ты придешь, рыженькая куколка? — спросил Марк.

— К-куда? — заикаясь, выдавила я и выдернула пальцы.

Все вокруг засмеялись и захлопали в ладоши. Я ничего не поняла и растерянно посмотрела на однокурсников.

— Марк организует пати после «Студвесны», — восторженно зашептала мне на ухо Аня.

— К-куда? — повторила я.

— Ох, ты почему такая недогадливая, — рассердилась Полина. — Приглашает всех нас в свой клуб.

Я так и стояла с открытым ртом, молча наблюдая, как Вишневский кладет на стул гитару, прощается за руку с Вадиком, негласным лидером факультета иностранных языков, и неторопливо идет к выходу из зала.

На полпути он повернулся к нам, сложил пальцы, словно у него в руках был пистолет, и направил их на меня.

— Пух! — громко крикнул он и сделал характерное движение, будто выстрелил. — Я тебя жду, крошка!

Ох, лучше бы он не давал мне призрачную надежду. С этого дня моя душа словно сошла с ума. Я не могла ни есть, ни пить, ни репетировать. Разумом понимала, что нельзя поддаваться соблазну, но все мысли были о вечеринке.

И вдруг в один из дней пришло понимание: не хочу! Вот точно не хочу становиться для Марка одной из... безымянных девиц.

«Не пойду! Никуда не пойду! Не заставят. Буду готовиться к сессии. Хочу закончить год на «отлично», — внушала я себе.

Приняв решение, я выбросила из головы мажора, отогнала мысли о нем и постаралась держаться подальше от сплетен и мест, где бывает Марк.

«Студвесна» закончилась победой нашего факультета. Однокурсники попались все творческие, артистичные, так и фонтанировали идеями. От меня требовалось участие в подготовке сценария, и я старалась как могла.

Праздник пролетел в каком-то мистическом ударе. Когда все закончилось, и мы наконец-то выдохнули, на сцену вышел Вадим. Он постучал пальцем по микрофону и весело сказал:

— А теперь сюрприз! Марк приглашает на пати. У выхода ждут машины. Полчаса на сборы. Кто не успеет, будет добираться сам.

— Ура! СВ не забыл! — закричала Аня.

Она схватила Полину и закружилась с кузиной по залу. Я молча наблюдала за подружками, а в душе поднимался ураган. Что делать? Идти или нет?

— Ника, чего встала, побежали переодеваться!

— Зачем наряжаться? Обычная вечеринка.

— Ты что? Ничего с собой не взяла?

— И так сойдет.

Я пожала плечами и пошла к выходу, но девчонки подхватили меня под локти и потащили в туалет.

— Пустите, что вы делаете!

— Расслабься! Мы тобой займемся!

— Нет!

— Да-да!

— Нет! Я не согласна!

— Не капризничай! Когда еще такой случай выпадет?

Я сдалась под напором подруг. И правда, стоит ли идти против судьбы? В конце концов, можно в клубе держаться подальше от Марка и его свиты.

Девочки сделали мне боевой раскрас, выпрямили утюжком пушистые волосы, натянули открытый топ в блестящих пайетках. Я только успевала поворачиваться, поднимать и опускать руки. Но когда Аня сунула мне в руку короткую юбку, взбунтовалась:

— Где вы откопали эту одежду?

Я недоуменно разглядывала непонятную тряпицу, больше похожую на ветошь для уборки или на подстилку для кота.

— Места нужно знать, — загадочно засмеялась Аня.

— Юбку не надену. Я на шлюху в ней похожа.

— Тогда шорты?

Жестом фокусника Полина вытащила из сумки крохотные штанишки, которые вряд ли прикроют попу.

— Издеваетесь?

— Ну, твой топ с джинсами не прокатит, — Аня задумчиво посмотрела на меня. — Погодите. У нас в реквизите есть платье.

Она метнулась к мешкам, стоявшим в костюмерной, и прибежала с черным трикотажным платьем. Оно, как чулок, обтягивало тело, рельефно выделяя все выпуклости, но зато имело длину до колена и глухой воротник-стойку.

Что ж, неплохо. Я провела ладонями по бедрам. В темной комнате нельзя заметить черную кошку, а в клубе, где темнота разгоняется мгновенными вспышками света, а настроение поднимается алкоголем, меня и подавно никто не разглядит.

Все бы ничего, да вот только у-образное декольте было почти до талии.

— Девочки, в кого вы хотите меня превратить? Из студентки в распутницу?

Я потянула платье вверх, намереваясь его снять.

— Ника, не торопись. Смотри, есть маленький секрет.

Как волшебница, Аня вытащила серебристый плетеный шнурок, нашла по краю выреза крохотные дырочки и быстро зашнуровала декольте крест-накрест. Выглядел этот наряд вполне прилично, если, конечно, никому в голову не придет заглянуть за переплетение.

— В клубе полумрак. Никто не заметит. Не парься!

Поставила точку на моем сопротивлении Полина.

— Да, коктейль выпьешь, тебе и самой фиолетово будет.

Мы выбежали из корпуса университета, огляделись — пусто. Естественно, пока мы приводили себя в порядок, все студенты уехали.

— Отлично! Девочки, ну его, СВ, в баню. Пойдемте в общагу, а? — попыталась я снова уговорить подруг. — Я вам что-нибудь вкусненькое приготовлю.

— Погоди, я сейчас.

Аня вытащила телефон, и через секунду с кем-то разговаривала, загадочно улыбаясь.

— Ну, что там?

Полина от нетерпения, а может быть, и от холода подпрыгивала на асфальте.

— Все о'кей, девчонки! Вадик сказал, куда ехать.

Мы вызвали такси. Только в машине я почувствовала, что от волнения сжимается грудь и дышать трудно. Ладони повлажнели, пятка нервно застучала о коврик. Девочки тоже нервничали. Они взялись за руки и крепко прижались друг к другу.

Роскошный клуб сиял огнями иллюминации. Мы вошли в огромный зал, и нас сразу оглушила музыка. Тело мгновенно отреагировало на нее и задвигалось в ритме танца. Я видела, что Аня и Полина, извиваясь под мелодию, пробивались сквозь толпу студентов.

Всполохи света выхватывали то одно, то другое смеющееся лицо. Из-за того, что фигуры людей ниже пояса тонули в темноте, казалось, что мы плывем по воздуху. Это было волшебно! Неожиданно плохое настроение испарилось. Хотелось туда, в центр танцпола, где топтались, трясли головами, вскрикивали от восторга наши друзья и однокурсники.

— А-а-а! Как здорово! — визжала мне на ухо Аня.

— Волшебно! — вторила ей Полина.

Я вдруг испытала такой же непреодолимый порыв обожания. Обняла подружек за талии и закричала:

— Девочки, как хорошо!

И тут музыка стихла, вспыхнул свет.

— Добро пожаловать в клуб исполнения желаний! — закричал кто-то.

Все замерли, стали оглядываться в поисках источника голоса. Луч света пролетел по залу и замер на... Марке Вишневском. Он стоял на ступеньке широкой лестницы, ведущей на второй этаж, и белозубо улыбался.

Сердце на секунду остановилось, а потом забило в груди трепетной птичкой. Черт! Не хотела же идти в клуб. Не хотела!

«Игнорируй его!», — приказала я себе и смело посмотрела на лестницу. Но Марка там не было, а вместо него стоял Вадим.

Неужели мне показалось? Или СВ спрятался в густой тени? Получить ответы на эти вопросы я не успела: толпа студентов зашевелилась, расступилась и образовала полукруг. Неожиданно наша троица оказалась напротив Вадика.

— Привет! — радостно замахали студенты.

— Занимайте свободные столики и диваны.

Вспыхнули потолочные светильники, и стало ясно, что по периметру зала расположены белые диваны и кресла, и перед ними стояли низкие столы вытянутой формы.

Народ вокруг нас мгновенно рассосался. Мы растерянно огляделись, не понимая, куда можно сесть.

Вадим широко улыбнулся и пошел к нам.

— Позвольте, я покажу вам ваши места.

Я немного удивилась такой любезности: в университете он даже не замечал нас. Но Аня и Полина радостно вспыхнули, схватили Вадима под руки и пошли за ним. Я потащила следом, как осел, вернее, ослица, на привязи. Дружок Вишневого привел нас к столику, на котором стояла табличка «Заказано».

— Но это... не наше место. Тут...

Попыталась объяснить я, но Вадим схватил табличку и спрятал за спину.

— Теперь ваше. Садитесь.

Мы переглянулись и опустились на диван. Вадим опять побежал к лестнице.

— В честь какого праздника нам такая встреча? — прошипела я.

— Ника, не цепляйся! Что ты бурчишь, как старая дева!

— Не нравится мне все это!

— Друзья, — закричал Вадим в микрофон. — Вечеринка начинается!

— Ура! Классно! — оживились все вокруг и зааплодировали.

— Но сначала давайте познакомимся.

— А разве мы друг друга не знаем? — крикнул кто-то. — Только что на сцене выступали.

— А мы познакомимся по-особенному. Не в вузе находимся, на частной вечеринке, имеем право развлечься.

— Это как?

— Говори! Не тани!

Все зашевелились в предвкушении представления.

— Без имен, — Вадим сделал паузу, обвел взглядом полукруг, и продолжил: — Но с размерами... бюста и... хм... догадайтесь сами...

Зал грохнул от хохота.

— А как проверять будешь? Штаны снять? — раздался рядом чей-то бас.

— Ну, можешь и снять.

— А девочкам тоже?

— У девочек можем лентой измерить.

— Что за чушь? — вскочила я. — Почему я должна называть свои параметры?

— Расслабься! Не хочешь, не называй, — ответила Аня и дернула меня за руку. — Не порти всем настроение.

— Ты чего сегодня такая бука? — поддержала кузину Полина. — Может, мы больше никогда не попадем на пати миллионера. Расслабься, Ника.

Я обиженно замолчала.

— Смотрите сюда! — Вадик показал рукой куда-то в темноту.

И тут из густого мрака показался официант. Он выкатил сначала столик, на котором стояло несколько рядов шампанского. Затем пришла очередь тумбы на колесиках.

— Девочки, что это? — спросила Аня.

Мы с Полиной пожали плечами, но любопытство взяло верх над злостью. Я тоже заинтересовалась процессом и даже забыла, что где-то там, в углу, сидит Вишневский — хозяин вечера.

— погоди, это же цилиндр для розыгрыша лотереи, — сообразила Полина.

Вадик несколько раз крутнул агрегат, наполненный шарами, и поднял руку, призывая к тишине.

— Тот, чьи размеры окажутся ближе всего к вытянутому номеру, получает приз — вот эту бутылку шампанского.

— Халява! — закричал кто-то, и зал потонул в хохоте. — Да я тебе самые большие размеры назову! Хочешь, сразу три?

— Посмотрим! Первый шар в б-о-о-о-й!

Вадим раскрутил цилиндр, потом остановил его, шар выкатился.

— Восемьдесят пять! У меня восемьдесят пять! — взвизгнула Аня и вскочила.

— И у меня!

Поднялось еще несколько рук.

— На слово не поверим! — загудели парни. — Выходи, измерять будем!

— А что, и пойду!

Аня выскочила на середину танцпола. Я побежала следом и притащила ее обратно к столу.

— Не дури!

— А что? Мы хорошо выступили, отметить надо.

Я молча наблюдала, как под хохот зала мужчины измеряли бюсты выстроившихся девушек. Всем было весело. Кажется, никто не видел никакого криминала в этом развлечении.

— Двадцать пять!

— Это я! — загалдели вокруг.

— Пятнадцать!

Тишина.

— Двадцать восемь!

Целая толпа сделала шаг вперед.

Всем было весело. Смеялись и мы.

— Номер семьдесят пять! — выкрикнул Вадим.

В зале наступила тишина. Никто из девушек не хотел признаваться, что у них маленькая грудь.

— Ника, это же твой размер, — толкнула меня в бок Аня. — Чего сидишь?

— Не пойду, — тихо, но твердо ответила я. — Ты разве не понимаешь?

— Не ломайся! Секунда позора, зато у нас будет лишняя бутылка шампанского.

— Девочки, когда вы стали алкоголичками? — не сдавалась я.

— Ты почему такая упертая? — Аня замахала, привлекая внимание. — Сюда! Здесь есть такой номер

— Где, у кого? Выходи вперед! — раздались голоса.

Подруги с двух сторон подхватили меня под руки и поставили на ноги. Я резко оттолкнула их. Девчонки плюхнулись на диван, оставив меня для всеобщего разглядывания. От смеющихся любопытных глаз некуда было спрятаться. Вадик двинулся ко мне с лентой, я сделала шаг назад и сложила руки на груди. От обиды дрожали губы.

— Не подходи!

— Ника, это всего лишь игра! — Вадим сделал шаг навстречу.

— Да, игра.

Мне показалось, что зал уменьшился до размеров тарелки. Студенты, которых я считала добрыми приятелями, вдруг превратились в диких животных. Они плотной стаей надвигались на меня и скалили зубы, словно вот-вот растерзают.

Вдруг кто-то схватил меня за руку. Я дернулась от неожиданности, подняла глаза: рядом стоял Марк.

— Оставьте девушку в покое! — тихо сказал он. — Вадим, займись делом.

И стая услышала голос вожака. Будто по волшебству, обстановка разрядилась. Все засмеялись, зашевелились, стали неловко прятать глаза. Веселое развлечение вдруг приобрело пошлый оттенок.

— А где музыка?

— Да, давайте танцевать!

— А как же представление? Вот сколько еще бутылок осталось!

— Да ладно тебе!

— Девушки, вам налить шампанского?

Марк все еще стоял рядом и держал меня за руку. Я осторожно высвободила пальцы.

— Спасибо. Не надо.

Я оттолкнула Вишневого и побежала к выходу. Все. Хватит! На сегодня довольно развлечений и нервов.

Марк догнал меня уже на улице. Он раскинул руки и преградил дорогу.

— Ты куда? Останься! Если ребята тебя обидели, то не со зла. Просто градус веселья зашкаливал, вот и перестарались.

— Мне нужно домой.

— Давай я тебя провожу.

— Не хочу.

— Но уже поздно. Метро закрыто.

Я посмотрела на него и тут только поняла, что в два часа ночи я не смогу попасть в общежитие. И что делать?

Марк взял меня за запястье и, как я ни сопротивлялась, потащил к парковке.

— Пусти меня! Я сказала! Слышишь!

— Ладно-ладно! — Марк поднял руки, сдаваясь. Его глаза влажно мерцали в лучах фонаря и были абсолютно серьезны. — Позволь отвезти тебя, и все. Так я буду спокоен, что моя гостя не попадет в неприятности.

И тут я засомневалась.

Денег на такси у меня не было. Общежитие закрыто на ночь, а злющая вахтерша, если ее разбудить, сразу доложит в деканат. Гулять всю ночь по Москве невозможно: весенний холод пробирал до костей, и спрятаться нигде.

А Марк вел себя как джентльмен. С ним сторожика будет любезнее, не посмеет грубить.

Я решила и села в роскошную машину...

Глава 3

Я стоял в холле клуба, рядом с администратором, а сам поглядывал на вход: вот-вот Вадик должен был привезти студентов из университета.

И студенток.

Отчего-то сжималось в груди. Чудилось, что сегодня будет отличный вечер с не менее классной ночью. В кабинете все готово. Пока студенты веселятся на танцполе, у меня запланирована вип-вечеринка для особенных гостей. Интересно, какая мушка попадет в паутину? Надеюсь, та, ради которой затевалось это пати.

Администратор тронул за локоть, и я вздрогнул: липкие пальцы, как слизи, отпечатались на коже.

— Что?

Я неприязненно покосился на лысину пухлого человечка, который на голову был ниже меня. Глянцевый блеск розовой кожи вызывал тошноту.

— Марк Иванович, все готово, можете принимать своих друзей.

Шустрый и хитрый администратор подмигнул мне, словно мы были друзьями. Мне не нравился этот мужик. Хотелось послать его далеко и надолго, но приходилось терпеть: он прислуживал отцу, а я ему. Вот такой закон коммерческих джунглей!

— Шампанское привезли?

— Обижаете! Самое лучшее! А вы сегодня ждете особенного гостя? Или гостью? А Иван Сергеевич знает о вечере?

Администратор хихикнул, мне хотелось щелкнуть его по лысине, чтобы знал свое место, но пришлось сдержаться.

— Вы хотите ему доложить? — я добавил металла в голос, чтобы администратор понял, кто в клубе хозяин. — Не придумывайте лишнего. Весна, праздник, скоро окончание учебного года, почему бы и не повеселиться?

— Ну да, ну да...

Я увидел приехавших друзей, Ромку и Семена, с которыми тусил все годы учебы, пошел к ним. В душе тяжело ворочалась злость. Почему оправдываюсь перед слугой? Совсем сдурел!

В середине холла на меня, как вихрь, налетела Лерка.

— Ой, Марк! Я так рада тебя видеть!

Она гантелей повисла на моем локте. Худая и жилистая, с такой короткой стрижкой, что издали ее принимали за юношу, Лерка уже три года таскалась следом за нашей компанией, притворяясь своим в доску парнем.

Но она не парень! И совсем не в моем вкусе. Такие пацанки, покрытые татуировками, ругающиеся небрежно матом, перекуривающие между парами в женском туалете, вызывали у меня отвращение.

Никакой культуры. Низкий уровень социума. Удивительно, как она вообще попала в МГУ без связей, да и без больших знаний. Вариант — через постель — тоже отпадал: никто не позарится на такую девицу, как она.

Неужели она думает, что может привлечь меня своим видом? Никогда не западал на сухостой с перьями на голове и черными тоннелями в ушах.

Лерку я терпел рядом с собой только потому, что она отгоняла от меня мелюзгу, визгливых девчонок, которые смотрели восторженными глазами и проходу не давали в коридорах универа.

— А ты что здесь делаешь? — В груди шевельнулось раздражение. — Разве я тебя звал?

— А как же! Наш курс здесь. Или я мешаю твоим планам?

Лерка наклонила голову, ее глаза потемнели, в глубине зрачков сверкнул огонь: явно разозлилась на вопрос. Черт! Теперь и эту придется умасливать!

— Гуляй!

Я махнул официанту, тот понял меня с одного взгляда, мгновенно подлетел и сунул Лерке в руку стакан с коктейлем.

— Пошли в зал! — она потащила меня за собой.

— Ты иди, я сейчас.

Избавившись от Лерки, я догнал официанта.

— Для этой девушки выпивка весь вечер за мой счет. И покрепче...

Я вытащил сто евро. Они мгновенно исчезли в широкой ладони.

— Понял, Марк Иванович! Не вопрос!

Я миновал коридор, ведущий к танцполу, и остановился на входе. В зале гремела музыка, диджей настраивал аппаратуру, осветительные приборы весело перемигивались лучами, бармен грохотал шейкером, а студенты задерживались.

— Вишня, может, ну их, этих первогодок, — Ромыч и Сенька стояли поодаль и ждали меня. — Пусть отмечают студвесну кока-колой!

— Я сейчас. Идите в комнату.

Не понимая, чего жду от сегодняшнего вечера, я продолжал топтаться в холле, как радушный хозяин в ожидании именитых гостей.

«Интересно, та рыженькая куколка придет или нет?», — неизвестно откуда появилась мысль.

Эту девчонку я заметил еще в сентябре. Стояла у стены, нахохлившись, как замерзший воробей, и смотрела на меня в упор. Я до сих пор помню, какая мягкая кожа была на ее подбородке. А еще она мелко дрожала, словно девчонка вот-вот собиралась расплакаться.

А потом на репетиции песню слушала, как завороченная. Казалось, что ее душа улетела в небеса. Рыженькая даже не очнулась, когда ее позвали.

Интересная малышка. Если появится, попробую подкатить. Хотя... связываться с такими отморозженными, будто котят обижают: удовольствия мало, а совесть потом ночами спать не дает. Нет уж!

Студенты ворвались в холл шумной толпой. Я невольно стал их оглядывать: вдруг мелькнет где-нибудь копна ярких каштановых волос.

— Вишня, говори, что делать? — подлетел ко мне Вадим.

— Ты всех привез?

— Кажется, да, — он весело оглядел гомонящую толпу. — А может, и нет. Не знаю. Кто вышел из корпуса, того и забрали.

Рыженькой среди приехавших не было, я невольно почувствовал разочарование. Что ж, не судьба. Куколок и без нее вокруг много. Правда, уже злило их слепое обожание, преследование, а потом слезы, когда я прекращал отношения. Неужели нельзя просто развлекаться без обязательств? Почему девчонки сразу начинают строить грандиозные планы? Ты только посмотрел и улыбнулся, а они уже распланировали жизнь с тобой по дням до самой до смерти.

Смешно!

Я повернулся и пошел в свой кабинет. Сюда я приглашал узкий круг друзей, иногда Лерку с ее приятельницей. Эти девушки хотя бы не лезли ко мне с поцелуями и обнимашками, держали дистанцию.

Внезапно дверь распахнулась, и в холл вошли три девчонки. Они отдышались, словно бежали марафон, огляделись и сразу направились к залу.

У меня в груди сжалось от предвкушения интересного вечера. Мужик во мне мгновенно сделал стойку. Кажется, вечер обещал сюрпризы. Я встал за колонну так, чтобы меня не заметили сразу.

Рыжая малышка сегодня выглядела по-другому. На ней было облегающее платье. Фигурка ничего такая, как у куклы Барби, тоненькая, словно вытянутая кверху. Никаких лишних выпуклостей. Длинные стройные ноги с тонкими щиколотками, маленькая грудь.

В горле мгновенно пересохло, ладони зачесались. Захотелось положить их на талию девушки и сжать, проверить, соединятся ли пальцы, настолько тонкой она казалась издалика.

Я подождал, пока девушки скроются в зале, и позвонил Вадиму.

— Поехали? — закричал он в трубку.

— Подожди, я сам начну вечер.

Сказал и замер. Не понял, почему вырвались эти слова. Просто захотелось, чтобы рыжая меня заметила. Интересно, как отреагирует?

Я кинулся в зал, и когда объявлял об открытии вечера, смотрел только на нее. Она злилась. Это было видно невооруженным взглядом. Складывалось впечатление, что ее притащили сюда насильно. Что ж, позову к себе в кабинет, а там как карта ляжет.

Нет! Нельзя! Там Лерка. Еще вцепится бедняге в волосы. Я спрятался в темноте второго этажа, наблюдая за розыгрышем, а мысли молниями проносились в голове.

И все-таки я баловень судьбы. Еще ничего не успел придумать, как она сама подбросила мне выход. Шутливый розыгрыш шампанского застопорился как раз на моей рыженькой крошке. Она разозлилась, выскочила из зала и кинулась на улицу.

Что ж, пора выручать мою новую куколку. Это мой шанс!

Мы выехали с парковки, и вскоре огни клуба остались позади.

Марк небрежно держал руль одной рукой, а второй искал музыку, словом, вел себя так, будто меня рядом и не было. Может, даже пожалел уже о рыцарском поступке. Наверняка на вечеринке у него осталась девушка.

Стоп! В последнее время как-то все замолчали, не рассказывали о похождениях университетского ловеласа и коллекционера отношений. Расстался с очередной пассией, а новую не завел? Или причина в другом? Может, строгий папаша поставил условие?

Я размышляла, прикидывала варианты, но сидела, боясь пошевелиться. Кресла, восхитительно пахнувшие дорогой кожей, от каждого движения поскрипывали, и мне казалось, что они возмущаются нахалкой, занявшей не свое место.

СВ нашел приятную мелодию, посмотрел на меня и... резко свернул к тротуару.

Сердце даже подпрыгнуло в груди от неожиданности. Мысли, одна неприятнее другой, заплескались в голове.

«Куда он меня везет? Дорога к общежитию не там!»

— Что случилось? — невольно вырвалось у меня.

Марк, не отвечая, остановил машину, отпустил руль и повернулся ко мне. Под его пристальным взглядом моя голова сама вжалась в плечи. Я придвинулась к двери.

СВ наклонился. От него пахло духами, смешанными с запахом шампуня. Я взвизгнула и двинула ему по плечу.

— Ты чего? — лицо Марка было так близко, что я могла бы при желании укунить его за нос. У меня даже дыхание остановилось, адреналин в крови зашкаливал.

— А ну, отодвинулся! — прошипела я. — Живо!

— Вот бешеная! Я просто хотел достать ремень. Видишь? Ты не пристегнулась. Расслабься.

Он протянул руку за мое плечо и вытащил ремень безопасности. Я так редко ездила в машинах, что совершенно о нем забыла. Выдох получился шумным, словно пловчиха выпустила воздух, который набрала в грудь и задержала при погружении.

Еще больше смутилась. Идиотка кукуевская! Тебе только в деревне и сидеть!

— А-а-а...

— Вот тебе и «а-а-а». А если полиция остановит? Разбираться придется.

СВ с прищуром посмотрел на меня. От уголков глаз разбежались морщинки, словно он вот-вот рассмеется, но лицо было серьезным. И это сбивало меня с толку.

«Шутит или издевается?», — я чувствовала себя неуверенно и скованно, словно нищенка, явившаяся на чужой праздник жизни.

— Куда тебя отвезти?

— В общежитие.

Марк опять покосился на меня и завел мотор.

Роскошная машина плавно тронулась с места и уже через секунду пристроилась в поток себе подобных. Я смотрела в окно, но не могла расслабиться. «Господи! Пусть он от меня отстанет! Пусть отстанет!», — как мантру, повторяла про себя.

— Хочешь посмотреть ночную Москву? — неожиданно предложил он. — Я такие места знаю!

— Не хочу! — отрезала я. — На сегодня эмоций достаточно.

Какое-то время мы ехали молча, и напряжение в салоне было такое плотное, хоть ножом режь. Расслабиться не получалось. СВ действовал на меня, как наркотик. Хотелось украдкой наблюдать за ним, случайно прикоснуться к руке, оценить его реакцию.

«Не смей! — внутренний голос отчаянно вопил в голове. — Ты мечтаешь стать одной из многих?»

— Тебя как зовут?

— Что?

Черт! Глупее вопрос не придумаешь!

— Как зовут? Имя есть?

— Конечно.

— Ну?

— Что ну?

Я готова была спрятаться под сиденье. Косноязычие просто свернуло мои губы трубочкой, и они выбрасывали в воздух идиотские вопросы.

— О боже! — Марк вздохнул.

Он свел брови домиком и уставился в ветровое стекло. Его пальцы забарабанили по рулю. Кажется, он решил, что рядом с ним сидит полная дура. Я и сама себя такой считала. Всегда была бойкой на язык, а тут столбняк напал.

— Вероника, — тихо сказала и почувствовала, как запылали щеки.

— Отличное имя. Вера и Ника. Тебе какая часть больше нравится?

— Никогда не думала.

— Вера, Надежда, Любовь — отличное сочетание! — Марк засмеялся. — Мы приехали, Вера.

Мое имя так странно срывалось с губ СВ, что я смотрела только на них, а когда подняла глаза, поняла, что мажор втихаря наблюдает за мной, и опять смутилась.

— Спасибо за помощь.

— А мое имя не спросишь?

— Зачем?

— Правильно. Ты его и так, наверное, знаешь.

— Пока.

Я открыла дверь, выскочила из машины и бросилась к крыльцу. Нажала на кнопку звонка и держала ее, пока не услышала, как поворачивается в двери ключ. Сейчас мне хотелось спрятаться, и никакая строгая вахтерша уже не пугала.

— Ты чего трезвонишь, оглашенная? Забыла, что контрольное время два часа назад закончилось?

— Простите, — залепетала я. — Можно мне войти? Это первый и последний раз. Клянусь!

— Иду, гуляй! Где шлялась, там и ночуй! Еще и кавалера с собой притащила!

От стыда за грубость сторожихи я готова была сгореть прямо на крыльце. Как назло, Марк еще стоял на месте. Автомобиль тихонько урчал, из салона лилась плавная мелодия, значит, СВ опустил стекло и слушает нашу перепалку.

Ох! Лучше бы уехал, не заставлял меня еще больше позориться!

— Он просто подвез меня.

— Простите, Маргарита Васильевна, это вы?

Голос сзади раздался так неожиданно, что я подпрыгнула, потеряла равновесие и начала падать со ступеньки. Твердая рука подхватила меня и вернула в вертикальное положение. Я почувствовала пальцы Марка на талии, и кожа буквально загорелась.

— Да. А кто тут у нас? — вахтерша прищурилась, разглядывая гостя. Потом она всплеснула руками и засуетилась. — Ох, Марк Иванович! Простите, издали не узнала я вас. А это ваша девушка? Понимаю, понимаю... Дело молодое... Сама когда-то по ночам с кавалерами гуляла.

Она тараторила, не давая вставить ни слова. Марк любезно слушал словесный поток и не перебивал. Я сходила с ума от близости СВ, боялась пошевелиться.

— Маргарита Васильевна, вы пропустите заблудшую овечку в общежитие? — наконец спросил Марк, когда вахтерша захлебнулась словами и сделала паузу.

— Конечно! Обязательно. А вы пойдете в гости к девушке? Проходите, всегда вам рады.

И тут я отмерла.

— Нет! Марк Иванович поедет домой! — взвизгнула я, скинула руку СВ с талии, нырнула в дверной проем, а потом побежала к лестнице.

Мне было все равно, что подумает вахтерша. Я больше ни секунды не могла находиться рядом с Вишневым, не рискуя сойти с ума от неловкости и страха.

А утром, когда я вышла из общежития, он снова стоял на том же месте. Весело поздоровался с Аней и Полиной, предложил подвезти до университета. Девочки от восторга потеряли дар речи.

— Спасибо, Марк Иванович, мы доедем на метро.

Я дернула подружек за руки и потащила за собой. Он что-то кричал вслед, даже пошумел клаксоном, но я притворилась глухослепонемой: не вижу, не слышу, не говорю.

— Ну, ты и дура, Ника! — заявила Аня, как только мы вбежали в вагон. — Тебе в руки СВ валится, а ты счастья своего не понимаешь.

— И в чем же счастье? В том, чтобы потом вены себе порезать? Или быть белой на весь университет, пока остальные за спиной шушукаться будут?

— Зачем так? Марк не только гадости девочкам делает. Он дарит подарки, водит в роскошные рестораны и на концерты, а некоторых и на курорты возит. Разве в твоём Кукуеве найдется хоть один такой щедрый парень? Потому девки и воют, что крутой любви лишились.

— Вот тебе он нужен, забирай! — отрезала я. — И больше эту тему поднимать не будем!

— Как знаешь! — Аня пожала плечами и обиженно отвернулась к окну.

С этого дня мы стали регулярно ссориться, и причиной был СВ. А он, как назло, превратился в моего преследователя: постоянно крутился рядом. То заглядывал в аудиторию, где шла лекция, то отправлял с доставщиком цветы, то делал прилюдно комплименты, от которых я покрывалась краской до ушей.

Доставала меня и Лерка. Стриженная ловила меня по углам и устраивала скандалы.

Через две недели я мечтала лишь о том, чтобы скорее закончилась весна, сессия, и я смогла наконец уехать домой и забыться. Передохнуть от чувств, сжигавших мою душу, от

проблем, навалившихся неожиданно, и от Вишневого, которого, несмотря ни на что, безумно хотела видеть.

Аня, наблюдавшая за этим безумием, сжалась надо мной и однажды предложила:

— Ника, что ты будешь делать в летом Сибири? Приезжай к нам, в Сочи. Море и солнце вылечат тебя. У Полины есть брат, отличный парень! Познакомим тебя. Глядишь, и забудешь своего СВ.

— Он не мой!

— Да-да! — Полина обняла меня за плечи. — А то мы не видим, как ты по нему сохнешь. Еще чуть-чуть, и в соломинку превратишься. Нужно от жизни брать все, а ты сопротивляешься. Неужели не понимаешь, что только разжигаешь в Марке охотничий огонь?

— Ты опять начинаешь?

Мы так и расстались, не попрощавшись. Я купила билет до родного села, никому не сказав, потому что подозревала, что о моих перемещениях Марку докладывают как раз подружки. Просто рано утром уехала на вокзал, и все.

Покоя и свободы мне хватило на несколько дней. Я повидалась с родителями, а через неделю полетела в Сочи.

Глава 4

— Ох, дочка, дочка! — вздыхала мама, наблюдая, как я бросаю в сумку летние вещи. — Ты куда собралась? В какие гости? Ты только приехала домой.

— Мамочка, разве я сама смогу съездить в Сочи? Пока не закончу учебу и не найду работу, вряд ли. А тут такой вариант замечательный! Девочки пригласили.

— Тебе девочки дороже родителей?

— Нет, конечно! Мама, не начинай!

Я сердито кинула в сумку куртку, потом вытащила ее, снова кинула, толком не понимая, что делаю. Заметила, что руки дрожат, и спрятала за спину.

«Только бы ничего не забыть!», — мелькнула мысль, и я снова полезла в сумку. Деньги, документы, билеты — все на месте, можно выдохнуть.

— И денег на билет сколько нужно! — мама словно услышала мои мысли.

— Не волнуйся, — я чмокнула ее в щеку, — я приеду и все на ферме отработаю, вот увидишь! Присядем на дорожку?

Я дернула маму за руку, она плюхнулась рядом на кровать, и та заскрипела всеми пружинами от маминого веса: мамуля у меня женщина корпулентная, под сто килограммов живого веса. Однако он ей не мешает крутиться и на работе, и дома, всюду успевать.

Мне же хотелось минуту посидеть тихо, без вопросов, привести мысли в порядок. Внезапно гнетущее чувство надвигающейся беды холодом обдало сердце, и тело затряслось мелкой дрожью.

— Ника, может, подумаешь? Смотри, как ты волнуешься, — мама прижала мою голову к большой груди. — Где находится Сочи? Далеко же! Я в Москву тебя отпустила, извелась вся, а теперь это...

Гудок клаксона прервал этот бессмысленный разговор. Отец ждал во дворе, чтобы отвезти меня в аэропорт, и его терпение заканчивалось.

— Я вернусь через две недели. Обещаю!

Не могла же я сказать самому родному человеку, что сбегая из дома, потому что буквально схожу с ума. Смотрю на луну, а мне чудится в ней улыбающееся лицо Марка, несущее в ведре воду, оно и оттуда усмехается: «Что, рыжая, игнорировала меня, вот и получай теперь!».

Я встретилась с одноклассниками, выслушала их истории, вместе мы сходили на дискотеку. Казалось бы, я вернулась в привычную среду, должна расслабиться, но ничего не получалось.

Совсем!

Мое страдающее сердце обливалось кровью, слезы закипали в глазах, как только я слышала песню, звучавшую тогда в машине Марка. В магазин ходить не могла: там на полочке стояла косметика бренда «Сладкая вишня».

Все напоминало о Вишневском, а в голове зарождалось сомнение. Может, я зря отказалась от его ухаживаний? Полина была права, своим неприступным видом я только разожгла в нем охотничий азарт. Следовало согласиться и посмотреть ночную Москву. И чего закапризничала? Вряд ли я получу еще одно такое приглашение.

Ну, что бы мне сделал Вишневский? Пару раз поцеловал бы, и все. Не изнасиловал бы, это точно! Да ему такие телодвижения и не нужны. Он обволакивал девчонок иллюзией любви, давал надежду на длительные отношения, поэтому они сами прыгали к нему в постель, надеясь удержаться возле своего тела.

Но СВ, стоило получить новую игрушку, терял к ней интерес и выбрасывал, как ненужную вещь. Вот пережить эту боль девушки и не могли.

Я полетела в Сочи от безысходности, просто не представляла себе, как проживу до сентября. Новое место и новые люди помогут переболеть этой глупой и безответной влюбленностью.

Так думала я, но у судьбы, увы, были другие планы.

Аня и Полина встретили меня радостно! Я поняла, что скучала по своим соседкам по комнате, по их веселому смеху и постоянно хорошему настроению. Они словно лучились счастьем и заряжали им окружающих.

Анины родители держали гостевой дом. Мне выделили маленькую комнатку под крышей. Когда-то здесь был чердак, потом его переоборудовали под жилое помещение. Один скат крыши служил для комнаты стеной, и в нем вырезали окно. Лежа ночью в постели, я наблюдала за звездами и мечтала, как вернусь в Москву и пройду мимо Вишневого с гордо поднятой головой. И ни один нерв не дрогнет при виде смазливового лица, ни один мускул не шевельнется.

Я и вправду взбодрилась. Подружки познакомили меня с Никитой, старшим братом Полины. Он был на пять лет взрослее нас, ходил на маленькой рыболовной шхуне в море и казался совершенно состоявшимся человеком.

Днем мы ходили на пляж, купались, потом болтались по городу, а по вечерам встречали в порту Никиту. Он вразвалочку спускался по трапу и крепко обнимал нас всех длинными руками. Я прижималась носом к его спецовке, пропахшей рыбой, и тоже представляла себя в море. Потом он доставал из кармана трубку и, как заправский моряк, прикуривал. Мне нравилось идти рядом.

— Кит, это твоя невеста? — кричали ему рыбаки.

— Нет, — отвечал Никита, — но скоро будет.

Мы весело смеялись, и пусть это была всего лишь шутка, я чувствовала себя счастливой.

Мои волосы от морской воды стали пушистее и светлее, и теперь голова походила на одуванчик, стоило их распустить. А вот белую кожу приходилось прятать под футболками, парео, шляпками и зонтами. Мне нельзя было загорать. Я мгновенно покрывалась красными пятнами ожогов, которые заживали долго и болезненно.

Кроме того, здесь, на курорте, вылезла еще одна неприятная напасть: солнечная аллергия. Когда я впервые увидела под мышками и на бедрах выпуклые оранжевые блямбы, страшно перепугалась и побежала к врачу.

— Фотодерматит, милая девушка, — весело сказал молодой доктор с кудрявыми волосами. Завитки смешно покачивались, когда он наклонял голову. — Явление распространенное. Поражает многих людей с бледной кожей. Мазь уберет эти проблемы в два счета, волноваться не надо. Вот только на солнце вам бывать не советуется. Поберегите себя.

Я и берегла, поэтому за две недели, которые пролетели незаметно, как один день, почти не загорела, только веснушками покрылись нос и скулы. Так как подружки ни на минуту не оставляли меня одну, образ Марка немного потускнел. Я вспоминала о нем по ночам, когда, уставшая от дневной суеты, забиралась под покрывало и смотрела в черное небо.

Домой я решила лететь после дня рождения Ани, которой исполнялось двадцать лет. Услышав, что я хочу купить билет на самолет, она обиженно поджала губы.

— Ника, так нельзя! Я столько готовилась к празднику, думала, отметим вчетвером с размахом, а ты собираешься сбежать.

— Я не бегу. Просто мама звонит каждый день.

— Ну, удержишься ты на чуток, что с того? Хочешь, я сама с твоей мамой поговорю?

Я решила задержаться. Лето, каникулы, отличная компания, почему бы и нет?

День рождения Ани родители отмечали с размахом. В холле гостевого дома они накрыли стол для жильцов, во внутреннем дворике — для родственников, которых собралось много, а нам они по просьбе дочери заказали столик в дорогом ресторане при отеле «Шантилье».

Никита должен был сопровождать нас, но накануне его судно попало в шторм, сломалось, и теперь стояло в доке соседнего города на ремонте.

Он позвонил, извинился, что не приедет, и прислал Ане подарок — роскошное вечернее платье насыщенного синего цвета.

— Девочки! — завизжала от восторга Аня, развернув. — Смотрите, какая прелесть!

Она скинула сарафан, натянула наряд, побежала к зеркалу и разочарованно остановилась на полпути.

— Ты чего? — Полина обошла подругу со всех сторон. — Да-а-а, не фонтан. Не знаю, чей размер имел в виду братец, когда покупал это платье.

Подруги дружно посмотрели на меня. По сравнению с высокой и статной Аней я казалась мелкой и тощей пигалицей.

Действительно, нарядная вещь смотрелась на фигуре Ани, как тряпка. Там, где платье должно было легко струиться по телу, оно топорщилось безобразными складками. Короткая юбка достигала середины бедра, но при каждом шаге норовила подняться еще выше, вплоть до трусов.

Идти в элитный ресторан в таком наряде было нельзя.

— Ника, надень ты! Ты меньше меня на размер и ниже ростом.

Аня быстро стянула платье через голову и кинула его мне.

— Не надо. Я лучше в сарафане пойду, — отмахнулась я, хотя платье мне очень понравилось.

— Не выдумывай! Надень.

Под напором подруг я сдалась, протянула руку за платьем, и... в голове всплыло воспоминание: точно так же наряжали меня девчонки, когда мы шли в клуб Марка.

Отчего-то сжалось сердце и перехватило дыхание.

И в этот момент на столе зазвонил телефон. Я стояла к нему ближе всех, поэтому взяла трубку. Аня изменилась в лице. Она выхватила мобильник из моих пальцев, посмотрела на экран и выбежала из комнаты.

Я удивленно посмотрела вслед подруге, потом сняла шорты и топ и стала натягивать платье.

— У Ани какие-то секреты от нас? — спросила я, оглаживая на бедрах платье, севшее как влитое, словно модельер делал мерки с моей фигуры.

— Ты о чем? — Полина отошла к окну и повернулась ко мне спиной. — Нет, наверное, из ресторана позвонили.

— Тогда зачем разговаривать тайком?

— Не знаю. Так удобнее.

Уклончивый ответ не вызвал у меня подозрений: мало ли почему выбежала Аня, может, не хотела обсуждать при нас меню.

— Поля, как тебе?

Я застыла перед зеркалом.

Платье на мне сидело идеально. Синий шелк делал голубые глаза ярче и очень подходил к волосам. Юбка, казавшаяся на Ане короткой и нелепой, у меня доходила до колен.

— Ника, ты такая...

У Полины загорелись глаза, она восхищенно захлопала в ладоши. Я смутилась.

— Но у меня нет туфель к этому платью.

— погоди, я сейчас! — она убежала и вернулась обратно с парой белых балеток. — Я не волшебник, а только учусь, — весело сказала она. — Примерь, твой размерчик.

— О боже! Как красиво! — восхитилась и Аня, войдя следом за кузиной. — Никита именно тебя видел перед глазами, когда покупал это платье. Вот он порадуетя!

— Точно-точно.

— Да ладно вам! Девчонки, вы меня словно Золушку на бал собираете, — засмеялась я.

— Увы, принц сидит на другом конце моря, так что твой бал еще впереди, — закружила меня Полина.

— Ты на какого принца намекаешь? — насторожилась Аня. На ее веселое лицо легла тень.

— На братца своего.

— Ой, придумали тоже, — смутилась я. — Никита ко мне по-дружески относится.

— Ну, где дружба, там и любовь, — возразила Аня.

И все равно, когда мы приехали в ресторан, я чувствовала себя принцессой. Готова была встать на цыпочки и взлететь, как чайка. А потом парить над городом, над морем, над песчаными пляжами. Мне хотелось, чтобы все видели, какая я красивая в новом платье и туфлях.

Это теперь, спустя пять лет, я понимаю: глупое желание юной провинциалки вскружило голову и привело к тем событиям, которые произошли позже.

Мы сидели на веранде, пили шампанское. Впереди переливалось море, играя огоньками. Отдаленный рокот волн, набегавших на прибрежные камни, смешивался со звуками музыки, создавая волшебную атмосферу.

Мы смотрели на море и людей, собиравшихся на концертной площадке, где вот-вот должно было начаться шоу. Нам достался один из самых лучших столиков у балюстрады. Отсюда открывался отличный вид на сцену в виде ракушки. Сейчас на ней полным ходом шло приготовление. Шустрый конферансье во фраке проверял пальцем микрофон, осветители устанавливали фонари.

— Девочки! — вдруг закричала Полина. — Смотрите! Там... там...

— Что? Что ты увидела?

Мы с Аней вскочили и кинулись к перилам.

— Там — СВ!

Сердце упало в пятки. От шока закружилась голова, а ноги подкосились, и я чуть не упала.

— Где? — едва выдавила из себя и тут же увидела его.

Он стоял, опираясь на капот роскошной белой машины, и весело смеялся. Рядом с ним я увидела Вадима и еще одного парня, кажется, Семена, — свиту короля, всегда сопровождавшую его в университете.

Вот Марк провел пальцами по волосам, задрал голову, и тут заметил нас.

— Привет, крошки! — он небрежно помахал нам.

— Марк! Марк! Как ты здесь оказался?

Мои подруги сорвались с места и побежали по лестнице вниз. Я на ватных ногах пошла следом. Казалось, еще секунда, и я грохнусь в обморок. Я не видела и не слышала ничего вокруг.

— О, и ты здесь! — раздался над ухом вкрадчивый голос.

Теплое дыхание коснулось шеи, и ледяной холод сковал все мои клетки. Я не могла даже пошевелиться, не то что ответить ему.

Звуки музыки полетели над пальмами, цветущими кустами и клумбами.

— Шоу начинается. Девчонки, хотите с нами?

Мы хотели, да еще как хотели!

Удивительное дело, но меня никто не трогал. Просто оставили в покое, и все. Дали возможность прийти в себя, осмыслить происходящее. У Марка с друзьями были забронированы места в первых рядах. Туда он и повел всю компанию.

Подруги много смеялись и кричали, словно в их горло кто-то невидимый вкрутил громкоговоритель. Они старательно не смотрели в мою сторону, поэтому в голову полезли плохие мысли. А что, если это Аня пригласила Марка в Сочи? Она же с кем-то тайно разговаривала

по телефону. И Полина вела себя подозрительно: не смотрела мне в глаза, на вопросы отвечала уклончиво.

Провести расследование до конца и выявить преступников мне не удалось.

— Не ожидал увидеть тебя здесь, Вера, — раздался за спиной голос Марка.

Я обернулась и мгновенно утонула в медовых глазах, на которые сейчас падал луч света со сцены. Ощущение дежавю пронзило меня. Точно так же было при нашей первой встрече.

«Обречена! — застучала в виски мысль. — И Никиты, как назло, нет!»

— Я тоже не ожидала.

— Приятный сюрприз?

— Для кого?

— Для всех.

— Не знаю, я пока чувствую себя странно, — с трудом выдавила из себя я, шумно сглотнув.

Марк взял меня за пальцы, я выдернула их. Он поднял вверх руки: мол, сдаюсь, сражен наповал.

— Какая недотрога! — в голосе появились горловые звуки, от которых по коже побежали мурашки. Марк явно играл со мной и наслаждался моей растерянностью.

— Вероника, иди к нам! — крикнула Аня и вскинула зажатую в ладошке бутылку шампанского.

Я сразу бросила Марка и побежала к подругам. Уж лучше быть рядом с ними, чем с этим опасным животным, от которого хотелось держаться подальше и в то же время не отходить.

Мы пили шампанское, смотрели концерт, хлопали певцам, смеялись над шутками конферансье. У меня в голове шумело. Напряжение и страх куда-то испарились. Марк оказался внимательным кавалером. Он ни на шаг не отходил от меня, подливал в бокал, поддерживал за талию, и со стороны казалось, наверное, что у нас прочные и доверительные отношения.

— Я предлагаю продолжить праздник у меня в бунгало, — сказал Марк, когда концерт закончился.

— Ура! — закричали подруги, подхватили меня под руки, словно испугались, что я дам деру.

Но мне уже было весело и нестрашно: шампанское и хорошая компания сделали свое дело, я расслабилась и решила плыть по течению. Просто поняла, что нет больше сил бороться с судьбой.

— Куда идти? — крикнула я. — Вперед!

И первая зашагала по тропинке отельного парка.

— Вера, Вера! — меня догнал Марк. — Нам в другую сторону.

— Правда? — я хихикнула.

— Конечно, моя леди!

Марк обнял меня за талию и притянул к себе. Мы стояли очень близко. Я видела, как сверкают в темноте его глаза, как белозубо улыбается рот, слышала биение сердца, и мое отвечало в унисон.

Очарование момента испортила птица. С шумом она сорвалась с дерева прямо над головой СВ и полетела в небо. С ее хвоста шлепнулась капля и попала прямо на лоб Марка. Он подпрыгнул от неожиданности и закружился на месте, ругаясь.

Все схватились за животы и покатались с хохоту. Я вытащила из сумки влажную салфетку.

— Иди ко мне, обкаканный кавалер.

Безудержный смех рвался из груди. Мир вокруг был такой прекрасный, такой замечательный! И мужчина рядом, несмотря на то, что ругался как сапожник, просто светился любовью и нежностью.

Он наклонил голову, я вытерла каплю, но Марк остался недоволен.

— Черт! Я хочу в душ! Пошли скорее!

Он взял меня за руку и широкими шагами пошел вперед. Мне пришлось почти бежать, чтобы успевать за ним. Друзья Вишневого и девчонки остались далеко позади.

— Марк, Марк, ребята...

— Догонят, дорогу знают.

Мы неслись по тропинке мимо голубых бассейнов с подсветкой, мимо остро пахнущих цветов, которые свечками торчали вверх, потом по мостику через ручей. Марк остановился у одноэтажного домика, у крылечка которого росли две пальмы. Отсюда открывался потрясающий вид на море.

— О боже! Какая красота!

Я застыла от восторга, не в силах двинуться дальше.

— Да? А я уже привык, не замечаю, — пожал плечами Марк и раскрыл дверь. — Проходи.

Я оглянулась на тропинку. Никого. Куда пропали подруги? Неужели бросили меня одну?

— Но как же ...

— Вера, они захотят — придут, не захотят — не придут. Разве нам будет скучно? Я мечтаю смыть с лица кашку, а ты пока приготовь нам кофе и что-нибудь перекусить. Лады?

В глубине души я еще сомневалась, а ноги уже перешагнули порог. Марк тут же скинул мокасины, стянул через голову футболку, которая полетела на пол. Красивое накачанное тело бугрилось рельефными мышцами. Легкий загар покрывал кожу. Она лоснилась от пота и источала дивный аромат.

Я сплющила, как собака, ноздри и втянула в себя этот восхитительный запах мужчины. Очнувшись от хлопка двери. Открыла глаза: Марка не было. Цепочка его одежды валялась на полу, а где-то шумела вода.

«Окончательно спятила!», — мелькнула запоздавшая мысль, но я отмахнулась от нее и собрала одежду.

Этой ночью я стала самой счастливой женщиной на свете.

Глава 5

Мне до сих пор непонятно, как все получилось. Жизнь завертелась неожиданно, без-
удержно и кинула меня из рая в ад.

Марк был в душе и громко что-то напевал. И это оказалось так естественно, так жизненно
и в то же время нереально, что я вздохнула и пошла варить кофе.

Пока гадала, на какие кнопки нажать в кофе-машине, не услышала его шагов. Просто
сзади меня обхватили горячие руки, и терпкий аромат мужского шампуня защекотал нос.
Капля воды упала на шею, я вздрогнула, а потом почувствовала губы Марка на своей коже.

— Иди ко мне, куколка, — жарко прошептал он и лизнул языком мочку уха. — М-м-
м, ты такая сладкая.

Никогда не думала, что растекусь липкой лужицей у Вишневого под ногами, но именно
это и случилось. Я повернулась, мы встретились взглядами, и все, мир растворился в тумане.

Марк подхватил меня на руки и понес в постель. Вот так просто, сразу, без игр и под-
готовки. И я сдалась. Мне казалось, что это происходит не со мной, а с кем-то другим. Веро-
ника словно отделилась от меня, поднялась над кроватью и зависла под потолком, наблюдая за
девушкой, которая стонала от страсти и вожделения.

Говорят, первый раз — это больно. Не верьте! Больно от рук человека, который руковод-
ствуется только своими желаниями.

К Марку это не имеет отношения. Он был нежен и умел. Вскоре у меня горело все тело.
Я кричала, просила, умоляла взять меня, просто разрывалась от желания, которое волной под-
нялось изнутри и затопило сознание. Ни страха, ни неловкости я не испытывала в тот момент.

Мы засыпали обнявшись, словно были одним телом. Моя голова лежала на груди у
Марка, его руки обнимали меня, а ноги переплелись, словно существовали отдельно от хозяев.

Я читала легенду об андрогинах — людях, которые сочетали в себе оба пола: мужской
и женский. У них было четыре ноги, четыре руки, два лица и двойная сила. Зевс предложил
разделить их на две половинки.

Боги выполнили задание, но каждая часть с вожделением рвалась назад, не могла суще-
ствовать отдельно. И тогда половинки раскидали по всему свету.

Вот и бродят с тех пор люди в поисках второго «я», только часто ошибаются. Проблема в
том, что нужно найти не абы какую половинку, а именно свою, родную, ту, от которой оторвали
часть, чтобы совпала каждая складочка, каждая ямка.

И если половинки находят друг друга, их тела сплетаются в единое целое, и разорвать
такой союз невозможно.

Погружаясь в дрему, я чувствовала себя именно такой половинкой, нашедшей свою род-
ственную душу.

Пробуждение было восхитительным.

Я открыла глаза и зажмурилась: луч солнца ударил прямо в лицо. Вторая попытка оказа-
лась удачнее. Я осторожно приподняла веки и посмотрела сквозь опущенные ресницы: взгляд
наткнулся на пальму, росшую за окном. Ветер шелестел листьями, они должны были царапать
по стеклу, но звука я не слышала. Вдали, за песчаным пляжем, синело море. Волны набегали
на камни, откатывались назад, взбиваясь пеной.

За пальмой на лужайке стоял накрытый стол. В кресле сидел СВ и резко разговаривал по
телефону. Я сразу поняла, что он злится, хотя и не видела его лица.

Вот Марк бросил мобильник, обернулся и поймал мой взгляд. Это было так удивительно:
лежать в постели и наблюдать за жизнью за окном.

Вишневский встал, широко улыбнулся и пошел ко мне. Тут только я поняла, что никакого окна нет. Есть открытый проем, который переходил из спальни на лужайку. Марк перешагнул невидимый порог и в два прыжка оказался возле кровати. Я смутилась, спряталась с головой под шелковой простыней. Слабое укрытие не спасло меня от крепких рук.

— Проснулась, крошка? Я соскучился!

Марк поднял меня легко, как пушинку, и понес во двор.

— Ты что делаешь! — слабо сопротивлялась я, на самом деле умирая от восторга. — Я же не одета.

— А кто увидит? Этот кусочек побережья — частная территория. Здесь только ты и я, как Адам и Ева.

Он мягко поцеловал в губы. Где-то глубоко родилось желание, от него огнем запылали уши и щеки, сбилось дыхание.

«О Боже! — мелькнула мысль, — я веду себя, как шлюха. Неужели это моя натура?»

Открытие было неприятным и мгновенно погасило пожар в моем теле и душе. Теперь я смутилась.

— И все же... мне лучше одеться.

Я встала, все еще кутаясь в простыню.

— Как хочешь, — Марк засмеялся. — Вера в шелковой ткани мне больше нравится, чем в платье. Ты горячая малышка, могу не сдержаться.

— Ох!

Я схватилась ладонями за щеки, простыня свалилась на траву.

— Да, ты знаешь толк в соблазнении мужчин! — захохотал Марк и бросился ко мне.

— Нет, не подходи! — взвизгнула я, подхватила ткань, но завернуться не успела: руки СВ переплелись на моей талии, а его губы уже терзали мой рот.

Позавтракать мы смогли только через два часа. Все это время не выбирались из постели. Оказывается, заниматься любовью с человеком, который тебе нравится, это восхитительно. Я не знала, что должна почувствовать в пиковый момент, но нежность и желание настолько переполняли меня, что казалось, будто это и есть счастье.

Звонок в дверь прервал наше безумие. Я испуганно выглянула из-под руки Марка.

— Кто это?

— Не волнуйся, доставка.

Марк вскочил, оделся и кинулся к двери, я тоже больше не смогла лежать. Неожиданный визит напугал меня. Наваждение растворилось, очарование момента сменилось паникой.

Я кинулась к одежде.

«Что я здесь делаю? Совсем голову потеряла! — думала я, натягивая платье. — Девочки, наверное, мне дозвониться не могут».

Стоп! А где мой телефон? Почему он молчит?

Это было странно. Меня никто за ночь и утро не побеспокоил, словно все сговорились не портить праздник.

Мобильник лежал в сумочке, но был выключен. Я с трудом вспомнила, что сама сделала это, точно под гипнозом. Это открытие напугало меня, заставило задрожать. Что же такого есть в Марке, если он так действует на меня? Какой процент феромонов источает его тело, если все девушки сходят с ума от любви?

И я попала в эту ловушку.

Марк показался на пороге спальни. Он бросил на пол сумку. Мою. Что она здесь делает?

— Куколка, у меня есть план.

— Какой? — в горле внезапно пересохло.

— Переоденься, мы сейчас уезжаем.

— Куда?

Где-то в глубине памяти выплыла мысль: я же хотела сегодня купить билет на самолет, родителям обещала.

— Не переживай. Я заказал номер в отеле на Красной поляне. Ты же никогда не была в горах?

Я растерялась. Нежностью и благодарностью наполнилось сердце.

— А вещи откуда?

— Аня привезла. Я попросил.

— Где она?

Я кинулась к двери.

— Уехала.

— погоди, мы отправимся в путешествие одни?

— Тебе нужна компания? — Марк обнял меня сзади и прижал к себе.

Он был прав: я ни с кем не хотела делиться ни временем, проведенным с Марком, ни счастьем.

На Красной поляне мы провели восхитительную неделю. Побывали на олимпийских объектах, поднялись в горы, прогулялись по веревочному мосту над пропастью среди облаков. В один из дней отправились на джиппинг по горному серпантину. Я, наконец, отдыхала от жаркого солнца и могла выходить на улицу, не боясь сгореть.

Марк не жалел денег на развлечения. Я сначала ужаснулась, случайно увидев цифру на счете, но постепенно привыкла и перестала обращать внимания. Родителям обещала вернуться через две недели, подружки не звонили, словно боялись, что я начну их отчитывать за предательство.

Но я была так счастлива, что простила всем и все. Смотрела на Марка шальными глазами и таяла от восторга и умиления.

— Завтра мы возвращаемся, — сказал мой любимый как-то вечером.

— Как жаль, — я разочарованно вздохнула.

— Скучно стало.

Слова Марка обдали меня жаром.

— Скучно со мной?

— Ты о чем? — он удивленно поднял брови. — А, нет! Вот дуреха! Верка-дуреха! Я теперь тебя только так буду звать. — Он притянул к себе и поцеловал. — Надоело одно и то же. Да и парни уже замучили, звонят постоянно. Я приволок их в Сочи, а сам смылся.

Я выдохнула. Даже не думала влюбиться до такой степени, что о себе начисто забуду.

Мы спускались по серпантину. На последнем витке вдалеке показалось море. От его синевы резало глаза. Чуть дальше в жарком мареве душного летнего дня виднелись отели-небоскребы.

— О боже! Какая красота!

Слезы выступили на глаза от восхищения.

— Хочешь, искупаемся, а уже потом поедem в город?

— Но у меня нет с собой купальника.

— И плевать! Я знаю отличную бухту, где нас никто не увидит. Поехали.

Машина минут пятнадцать еще повиляла по шоссе и спустилась. Марк свернул на почти незаметную проселочную дорогу и еще какое-то время ехал по ней. Море показалось в просвете ветвей совершенно неожиданно. Оно мелькнуло раз, другой, а потом открылось во всей красе.

Это и правда было замечательное место! Небольшой пляж, песчаный, а не галечный, так и звал к себе.

— Мы только искупаемся, и сразу уедем, — сказал Марк и остановил машину в тени деревьев. — Раздевайся.

— Гольшом купаться будем?

— А что, слабо? Никто же не увидит, — засмеялся Марк.

Он легко сбросил одежду и побежал морю.

— Ух, горячо! — СВ подпрыгнул на раскаленном песке и крикнул: — Иди лучше в босоножках.

Я осталась в трусиках. Выбралась из машины, посмотрела на яростное солнце и достала из кармана кресла полотенце для рук: лучше укрыть плечи.

Не успела я сделать два шага, как услышала телефон. Оглянулась: мобильник Марка, лежавший на приборной панели, разрывался от звонка.

— Марк, кто-то звонит! — крикнула ему.

— Что? Не слышу. Иди сюда! Ух, хорошо!

— Телефон! — я взяла мобильник в руку и показала ему.

— Плюнь! Иди сюда!

Телефон перестал звенеть. Я положила его на кресло, повернулась, и в этот момент щелкнула смс.

Я бросила взгляд на экран и... обмерла.

На экране высветилось лицо Лерки. Стриженная ехидно улыбалась в камеру.

«А она каким боком тут?», — вспыхнул в голове вопрос.

Я посмотрела на сообщение:

«Марк, дорогой, ты еще долго будешь развлекать эту рыжую куклу? Возвращайся уже! Мы с ребятами ждем тебя в нашем баре».

«Куклу? Какую? — от удивления и растерянности я никак не могла сообразить, о чем пишет Лерка, и тут озарение накрыло волной. — Это же обо мне!»

Я повернулась и посмотрела на море, где плескался Марк. Но ничего не увидела: солнце ослепило меня, и перед глазами закачались разноцветные блики. Тело превратилось в камень. Я была в одних трусиках, стояла босиком на раскаленном песке и ничего, кроме пустоты в душе, не чувствовала. А она звенела, заливалась на разные голоса, требовала от меня каких-то действий.

Но каких?

— Верусик, ты чего там застыла! — голос Марка, такой любимый, такой родной, казался мне звуком ржавой пилы.

Он заставил меня очнуться. Неожиданно в голове всплыла старая информация. Еще при первом знакомстве Лерка сказала, что СВ всех подружек, с которыми только развлекается, заносит в телефон под одним ником.

Словно сомнамбула, я села на водительское сиденье, протянула руку и взяла телефон. Темный экран осветился цифрами. Точно! Нужен пароль! Марк мне его не говорил. Мне и в голову бы не пришло рыться в чужом телефоне.

От облегчения захотелось заплакать и спрятаться в раковину, чтобы не видеть, не слышать, ничего не знать.

Марк мой! Я любима и желанна! Наши отношения надолго!

Нет, навсегда!

Мы даже умрем вместе в один час. И если нас похоронят в разных местах, все равно соединимся, как Петр и Феврония. И куст розовый вырастет над нашей могилой.

Ведь мы — андрогины, нашедшие своих половинок...

— А-а-а! — крик неожиданно вырвался из груди, оттолкнулся от стенок машины и ударил по ушам. — Н-е-е-е-т!

Я схватилась за грудь, в которой вырос комок невиданных размеров. Словно кол вогнали глубоко в сердце и несколько раз повернули. Расслабилась, втянула воздух и часто-часто задыхалась открытым ртом.

Нужно подавить панику. Думай, Ника, думай!

Память тут же услужливо подсказала момент: Марк набирает пароль на смартфоне, чтобы заказать ужин в номер. Еще не успев осмыслить воспоминание, я уже набирала цифры на экране: ноль, пять, ноль, шесть, ноль, пять.

Дисплей осветился. Найти в телефонной книге ник «кукла» оказалось еще проще: кукол было много, и все под номерами и опознавательными знаками. Я числилась как «Кукла № 10. Рыжая». То есть еще одна временная подружка на уикенд. Нет, на неделю отпуска.

Палец автоматически полз по дисплею с входящими и исходящими звонками, и я видела, что другие девушки звонили, и не раз, когда мы с Марком были вместе. И он тоже, сволочь, звонил... им...

— Ты что делаешь?

Марк выхватил телефон. Когда он подошел, я даже не заметила.

— Смотрю, — шепотом ответила я.

— Ты почему трогаешь чужие вещи? — голос Марка завибрировал от злости.

— Чужие?

— Еще раз увижу, что тянешь ручонки к моему телефону...

— Ручонки?

Сил хватало только на то, чтобы повторять слова.

— Ну, грабли, копыта, лапы, цыпки, если ручонки не нравятся!

Он стоял напротив, красивый, мужественный, в каплях воды, игравших на солнце, и безжалостно выплевывал в меня мерзкие слова. Они, как камни, падали на голову, на плечи, гирями повисали на руках и ногах, били в грудь.

Боль внезапно охватила все тело. Удар был таким сильным, что я согнулась, обняв руками живот, и застонала. До меня вдруг начал доходить ужас происходящего. Наверное, со стороны мы выглядели смешно. Два нудиста стоят голышом и ругаются.

Праздник закончился.

— Хватит притворяться!

Марк выдернул меня из салона, сорвал с плеч полотенце и швырнул в сторону. Я машинально дернулась, чтобы его поймать, пошатнулась. Вишневский не поддержал, просто приблизился вплотную, прижав меня к горячему боку машины. Его лицо перекосила брезгливая усмешка.

— Не смей! — тихо и жестко сказал он, зажав мой подбородок пальцами. Его верхняя губа, которую я так любила целовать, сейчас дергалась. — Никогда не смей трогать мои вещи!

— Телефон звонил... я тебя звала.

— Я все сказал!

Он резко отпустил меня, сел в кресло сзади и стал одеваться. Зло. Яростно. Не вытираюсь. Просто натягивал на мокрое тело боксеры, шорты, футболку нацепил задом наперед, еще больше взбесился, кинул ее на заднее сиденье.

— Долго еще паяться будешь? Одевайся! — приказал мне.

И тут я не выдержала.

— Марк, а кто я тебе?

— Кто? Никто! А могла бы стать всем! — он обошел машину и сел за руль. — Ты едешь? Но на меня напал столбняк. Я не могла оправиться от шока.

— Рыжая кукла... это обо мне?

Марк выскочил из машины. На его лице была маска холодного бешенства. Он подлетел ко мне, сжал плечи ладонями и встряхнул.

— Ты еще и в приватной переписке роешься, дрянь?

— Но это информация обо мне! Значит, это правда?

— Что правда?

Вопрос прозвучал, как выстрел. Я подняла глаза и посмотрела прямо на Марка. Он не отвел взгляда, но сейчас золотистая и еще недавно ласковая радужка почернела и испускала дьявольский огонь.

— Я для тебя просто развлечение, да?

— погоди! А ты на что рассчитывала? Сама пошла за мной в бунгало, сама прыгнула в постель. Ты же собиралась домой, в свою деревню...

— Поселок городского типа...

— Да насрать! Вот и валила бы туда! Но ты же захотела меня, денег и роскошных каникул.

— Я думала, что у нас любовь...

— Ты точно дура, Верка! Набитая дура, если считаешь, что с такой нищевродкой, как ты, я заведу длительные отношения. Да меня все знакомые засмеют. В Золушку она поиграть захотела!

Марк оттолкнул меня и сел в машину. Боль уже разлилась по всему животу и стала почти нестерпимой, но я не могла даже заикнуться с просьбой о помощи. Душевные страдания были намного сильнее.

— Вот, значит, как? Я, и правда, наивная дура.

— Поехали! Надоел этот бессмысленный базар!

— Я не поеду.

— Сядь в машину, мать твою! — заорал Марк, уже не сдерживаясь.

— И твою тоже!

— Да пошла ты! Топай копытами! Может, мозги проветришь, наконец!

Роскошный автомобиль фыркнул мотором, брызнул в меня струйкой песка из-под колес и скрылся за кустами.

Я осталась одна.

Сверху слепило слепополуденное солнце, ласково шуршали о песок волны, звенели в кустах цикады. Мир вокруг жил своей жизнью, но в нем не было места для меня.

Я побрела к морю. Только почувствовав, каким огнем горят подошвы, сообразила, что так и не вытащила из машины босоножки.

И одежда осталась там.

И сумочка с документами и деньгами.

На мне надеты крохотные стринги, и все. А город где-то очень далеко, и до него еще нужно добраться.

Боль скручивала живот, но сейчас было не до нее. Море манило, ласково звало к себе, нашептывало, что в его глубине успокаиваются все обиженные души. Жизнь вдруг показалась бессмысленной, перестала радовать и дарить надежду.

Прохладная вода остудила разгоряченные ноги, добралась до бедер, потом охватила живот и забрала боль. Стало так хорошо, так спокойно! Синее небо вытянуло кол из сердца, солнце подмигнуло мне. Или это с ресниц сорвалась слеза? Удивительное дело, я даже не плакала. Марк выжег мою душу дотла.

Я нырнула, спряталась от палящих лучей в глубине и поплыла вдаль...

Глава 6

Новый удар боли вывернул меня наизнанку и на мгновение заставил забыть о ссоре с Марком. Чувство самосохранения выбросило на поверхность воды. Я оглянулась и ужаснулась: берег был далеко. Быстро развернулась и поплыла к золотой полоске.

На середине пути накатила жуткая паника. Руки и ноги стали деревянными, едва двигались. А вдруг судорога? Вдруг не смогу доплыть? А как же мама, папа? Они же сойдут с ума, если меня не станет.

Эти мысли придали сил, я глотнула воздуха и устремилась вперед.

Боль стала глухой. Желание жить гнало меня так же сильно, как и желание утопить беду в глубине.

Я выбралась на песок и упала. Сколько времени лежала, не двигаясь, не знала. «Нужно подождать Марка. Он же не последняя сволочь. Вот сейчас остынет и вернется за мной», — подумала я и села. Еще секунда, и из-за кустов покажется его машина.

Но картина перед глазами была безрадостная. Солнце палило нещадно, его яркий свет слепил глаза, плавил мозги. Захотелось спрятаться, но на пляже не было никакого укрытия, только невдалеке виднелась зеленая полоса. Может, туда?

Я встала и прыжками побежала к месту, где стояла машина Марка. Его полотенце для рук валялось на песке. Подошвы нещадно обжигал раскаленный песок. Схватив полотенце, я кинулась обратно в море.

Выбор для меня невеликий: или спрятать от жара голову, или плечи. Больше этим куском ткани я ничего не могла закрыть. Намочила его в воде, кинула на голову и опустила по шее в воду: так хотя бы немного смогу защитить себя.

Качаясь на волнах, я гладила живот по часовой стрелке и размышляла. То ли потому, что я немного успокоилась и пришла в себя, то ли по другой причине, но боль стала глухой и сконцентрировалась где-то внизу живота. Что со мной не так? Еще утром я чувствовала себя прекрасно.

Надежда, что Марк вернется, таяла с каждой минутой. Я начала стучать зубами от холода, поэтому выбралась на песок. Согрелась — и снова в воду. Так делала несколько раз. Если Марк не вернется, придется самой добираться до Сочи.

Но как? До города далеко, пешком не дойти. Я попыталась представить, где сейчас нахожусь, но ничего не получилось. В голове стояла картинка: отели-небоскребы качаются в мареве, но на каком расстоянии они были, я не знала. И потом, есть еще проселочная дорога, по которой Марк ехал достаточно долго.

Дорога! Точно! Что ж, попробуем.

Опять прыжками я пересекла береговую линию, вышла на дорогу и вскрикнула, наступив ногой на колючку. Еще шаг, и новая боль пронзила ступню. Слезы брызнули из глаз: вся дорога была усыпана колючими иголками и веточками, упавшими с кустарника возле дороги.

Я опять застыла. Далеко босиком не уйду. Попыталась разорвать зубами полотенце. Не вышло. Махровая ткань хорошего качества не поддавалась. Даже если я доберусь до шоссе, как буду голосовать голышом? Опасно: могут не так понять.

Отчаяние опять вызвало боль. Черт! Не одно, так другое!

— Мамочка, помоги! — слезы градом покатились из глаз. — Что делать?

Горели порезанные ноги, жаром полыхали плечи. Я скосила на них глаза и ужаснулась: даже при ярком солнечном свете было видно, что они красные. Еще немного, и покроются волдырями.

Нет, нужно где-то дожидаться вечера. Огненный шар уже спускался к горизонту.

А еще смертельно хотелось пить. Снова перебежками я кинулась к морю, набрала в ладони восхитительной влаги, прополоскала рот и выплюнула. Отвращение скрутило желудок и вытолкнуло сгусток желчи.

Нет, морскую воду пить нельзя. Что же делать?

Теперь закрыла полотенцем плечи. Когда немного охладилась, посмотрела в сторону зеленой полосы. Туда я могла бы добраться вплавь. Сняла стринги, намочила, натянула их на голову: хотя бы не получу солнечный удар, и поплыла, вяло перебирая ногами.

Это были виноградники. Они уступами поднимались на гору. Хоть какая-то тень. И потом, за ними же кто-то ухаживает, а значит, здесь есть люди. Кроме того, может, где-то найдется пресная вода, плантацию поливают.

Однако добираться до них пришлось сложно.

Песок закончился, и прибрежную полосу усыпали мелкие камни. Я в кровь сбила ноги и уже почти их не чувствовала. Потом прорывалась сквозь заросли высокой и жесткой травы с толстыми стеблями и огромными соцветиями. Обойти их не было никаких сил. Они тянулись чуть ли не с меня ростом, и воспаленному сознанию казалось, что впереди расстилаются непроходимые джунгли.

Я видела такое растение в родной Кукуевке, но не могла вспомнить, как оно называется. Стебли и ветки безжалостно били по телу, но мне было все равно: ровные ряды зелени казались настоящим спасением. Здесь можно передохнуть и дожидаться вечера.

Наконец я добралась до виноградника. Настолько устала от жары, отчаяния и страха, что, как только легла под кустом, сразу отключилась.

Проснулась от громкого треска цикад. Эти звуки вгрызались в мозг и отключали способность соображать. Болело все тело. Голова просто раскалывалась, сознание куда-то уплывало. Радовало только одно: солнце скрылось за горизонтом и не палило нещадно. Зато духота покрыла тело липким потом. Горло и рот пересохли.

Я попыталась сесть и застонала. Руки и ноги отказывались подчиняться. Они походили на толстые красные бревна, покрытые порезами и волдырями. Усилив воли я встала, держась за куст, и побрела по ряду. Куда, не знала, только понимала: непременно нужно идти к людям, туда, где помогут и спасут.

Тьма постепенно сгущалась, и вскоре я уже ничего не видела, зато на листьях появилась роса. Я жадно слизывала эти капли и не могла напиться. К сожалению, еще зеленый виноград только сковывал вязью рот.

Огни вынырнули из-за куста неожиданно. Они мигали, перемещались то вверх, то вниз, словно кто-то двигался навстречу.

— Я здесь. Спасите, — хотела крикнуть я, но из воспаленного горла не донеслось ни звука. — Помоги-и-и-те! — просипела и упала. Грохнулась всем телом, даже не пытаясь сгруппироваться и смягчить падение.

Сознание отключилось.

Иногда я приходила в себя и слышала чьи-то голоса. Они говорили что-то с обеспокоенной интонацией, о чем-то спрашивали. Я даже открывала глаза. Но видела только расплывчатые силуэты и снова проваливалась во тьму.

Наконец наступил момент, когда я проснулась и вдруг отчетливо услышала, как женский голос произнес:

— Бедная девочка.

Я открыла глаза и от ужаса захлопнула веки. Мне показалось, что вокруг все залито белым светом.

«Где я? — забился панический вопрос. — В раю? О Боже! Я умерла? Mamochka!»

Всхлипнула, попробовала пошевелиться — не получилось: тело было сковано, и каждое движение причиняло неимоверную боль.

Жива! На том свете боли нет...

От облегчения мгновенно ослабла, словно кисель расплылась по кровати, на которой лежала.

— Тихо, тихо, тихо, — мелодично запела рядом женщина. — Не шевелись, дорогая. Потерпи немного.

— Пить...

— А это завсегда пожалуйста. Держи, девочка.

Я приподняла веки и посмотрела сквозь ресницы. Ко мне наклонилась женщина в белом халате и поднесла к губам трубочку. Одно сосущее движение, и в рот хлынула восхитительная и такая вкусная вода. А вместе с ней по щекам потекли слезы.

— Андрей Иванович, — крикнула женщина, — наш найденыш пришел в себя.

Дверь в комнату тут же отворилась, и на пороге появился мужчина в голубом костюме.

— Очнулась? Вот и славно. Значит, кризис миновал.

— Где я?

— В больнице.

— Как тут оказалась?

— Тебя нашли работники виноградника.

— Сколько я здесь?

— Уже третьи сутки.

— Сколько? — я задрожала всем телом, даже зубы выбивали чечетку. — А что со мной?

— Давай сначала я задам парочку вопросов? Договорились?

Я кивнула, потому что еще не могла осознать ужас происходящего.

— Вот и славно. Назови свое имя, место жительства. Откуда ты и как оказалась на глухом берегу одна и без одежды?

— Случайно. Глупо вышло. Поссорилась с парнем, он уехал, я осталась. Что со мной?

— Что за парень? Кто-то может о тебе позаботиться? — врач игнорировал мои вопросы.

— Родители или другие родственники?

— Что со мной? Если не скажете, я закричу!

И столько отчаяния было в моем голосе, что врач переглянулся с медсестрой и нехотя произнес:

— Милая, мне очень неприятно тебя огорчать, но дело серьезное.

— Правда? — мой голос сорвался на писк. — Я домой хочу. Пожалуйста... пожалуйста! Можно я позвоню маме?

Я попыталась сесть и со стоном упала на постель.

— Что ты, что ты! Тебе нельзя двигаться.

— Я хочу к маме! Пожалуйста! Мамочка, заведи меня отсюда.

Я уже ничего не соображала, билась, рвалась в чужих руках и кричала, кричала, пока не почувствовала укол.

Второй раз очнулась вечером. Пошевелилась, дверь тут же распахнулась. Та же женщина влетела в палату.

— Дайте мне телефон, прошу, — тихо сказала я.

Она молча протянула мне мобильник. Я набрала номер родного дома и сказала:

— Мамочка, заведи меня отсюда.

В трубке раздался отчаянный крик. Медсестра вырвала телефон из моих пальцев и выскочила за дверь.

На следующий день прилетели мои родители. Они заказали санитарный рейс, и меня переправили в Иркутск, потому что с глубоко обожженным на семьдесят процентов телом я не могла передвигаться самостоятельно.

Врачи вообще удивлялись, что я выжила. Высоким растением, сквозь которое я проби-
валась, оказался ядовитый борщевик. Если прикоснуться к нему в пасмурную погоду, ничего
не произойдет, но под воздействием солнца проявляются очень сильные ожоги, и развивается
аллергическая реакция.

Вот так и закончилась счастливая неделя моей восхитительной любви.

Рыженькая крошка так сильно сопротивлялась, что мне захотелось непременно заполу-
чить ее в коллекцию. Я начал планомерную осаду: цветы, знаки внимания, маленькие подарки,
комплименты. Но девчонка держалась стойко. Уже вся ее группа ходила передо мной на цыпоч-
ках, старалась угодить, а эта пигалица только фыркала.

— Слушай, — я поймал в коридоре ее подружку, — у этой рыжей есть парень?

— Нет, — девушка растерянно захлопала длинными ресницами над коровьими глазами.

— Чего она ломается?

— Хочет учиться. Да и потом...

Она замолчала и украдкой оглянулась.

— Что? Сказала «а», продолжай!

— Слава о тебе по универу нехорошая плывет, вот она и не хочет связываться.

Ее слова меня удивили. Ишь ты! Принцесса какая! Рыцаря ей подавай на белом коне! И
где она видела в реальной жизни таких? Ни одного не знаю!

С этого дня я думал только о том, как заполучить рыжую куклу. На всех рычал, расстался
с очередной скучной подружкой — надоели ее вечные слезы и причитания:

— О, Марк, ты такой классный! А ты меня любишь?

Я и так уже едва сдерживался, чтобы не послать ее подальше, но останавливало, что потом
придется искать новую. А эта в постели была хороша, на все эксперименты готова. Я раз даже
предложил ей развлечься с моими друзьями, поломалась немного, но согласилась. И стонала
так, что стены общаги трещали.

Скучно!

— Вишня, ты чего такой говнистый стал?

Хлопок по плечу, я обернулся: Вадим.

— Отвали!

— Неужели на рыжую запал?

— Еще чего!

— Хочешь, устрою тебе с ней свидание.

— Пошел вон! — я ткнул его в плечо. — Сгоняй за кофе.

— Я тебе не холуй! — он сузил глаза и сверкнул белками.

— Вот и топай!

Я выскочил из универа и поехал в клуб: нужно развеяться, иначе... Я и сам не понимал,
почему бешусь каждый раз, когда вижу эту девчонку.

Она так и уехала на каникулы с гордо задранной подбородком. Никогда не думал, что
какая-то крошка из глухой провинции может бортануть меня, даже не попробовав на вкус.

Учебный год закончился, родители уехали на Карибы, оставив дела директорам и управ-
ляющим, мне же заняться было нечем. Ничто не привлекало и не радовало, пока Вадим
однажды не подкинул идею.

— Не хочешь махнуть в Сочи? Делать все равно нечего.

— Что я там забыл?

— Потусуемся, новых цыпочек найдем. Курортный роман, то, се, — поддержал его
Семен. — Давай, Вишня, соглашайся.

— Не хочу.

— Там девчонки, подружки рыжей твоей, живут.

Информация ударила по мозгам и по ушам.

— Не напоминайте мне об этой стерве!

— А если ее тоже в Сочи пригласить?

Пригласить? Я сделал стойку, в душе проснулся интерес.

— Как?

— Через подруг, — тихо сказал Вадим. — Я попросил Аню, не думал, что Вера согласится приехать, но все получилось.

— Да пошла она! Буду я еще за ней бегать!

Неделю болтался в Москве, выдерживал характер, но перед глазами все время видел рыжую куклу. Она, словно ведьма, поселилась в голове, ядовито усмехалась и накручивала на свое веретено мои нервы, как нити. Я даже не понимал, почему эта девчонка так привлекает. Ни кожи, ни рожи! Бледно-голубые глаза, веснушки, тихий голос, упрямо сжатые пухлые губы.

Черт! Я постоянно ловил себя на том, что смотрю только на них и представляю, какие они сладкие.

Нет, нужно избавиться от наваждения! Она одна из многих. Таких пруд пруди вокруг меня. Только пальцем ткни, и сразу прибегут. Я позвонил Вадиму и Семену.

— Собирайтесь! Завтра вылетаем в Сочи.

Мы неделю жили в бунгало. Рыбачили, валялись на пляже, занимались серфингом и дайвингом, вечерами сидели в баре, а я все не мог решиться показаться. Друзья посмеивались надо мной:

— Что, Вишня, сдался? Боишься к Верусику подойти.

— Отвяньте! — вяло отнекивался я и провожал взглядом очередную курортную красотку.

Но ничто не дрожало во мне при виде роскошных форм. Точно головой поехал.

День рождения Ани пришелся кстати. Вот тут все неожиданно и завертелось. То ли южный воздух и свобода напоили мою Веру особым зельем, то ли шампанское сработало, то ли материнский инстинкт, но она сдалась. Сначала вытерла с моего лба птичью отметину, а потом поплыла по течению следом за мной.

И я вдруг понял, что не хочу ни с кем делиться своим счастьем. Не хочу обсуждать чувства, выслушивать от друзей насмешки.

Идея увезти Веру из Сочи оказалась спонтанной, но правильной. Я просто позвонил Ане и приказал привезти вещи подруги в бунгало.

Но скрыться не удалось. Всю неделю, проведенную в Красной поляне, меня одолевали звонками. Брошенные в городе друзья заскучали. Еще бы: все развлечения были на мои деньги. Прилетела и Лерка, ходившая за мной хвостом в Москве. Притащила с собой подругу. Ни с того ни с сего началась атака бывших кукол. Я только успевал отключать телефон украдкой от Веры.

А она оказалась именно такой, какой представлялась мне в мечтах. За кроткой внешностью простушки скрывалась настоящая страстная штучка. Я был у нее первым, это радовало и даже наполняло сердце гордостью.

На обратном пути мы остановились на диком пляже, чтобы искупаться. Я скинул одежду и побежал к морю. Вера почему-то задержалась у машины. Взгляд невольно останавливался на аппетитной попе, тонкой талии, худеньких, едва тронутых загаром плечах.

Вместе с нежностью, патокой расплывшейся в сердце, глубоко в душе родилось беспокойство. «Почему она стоит, словно камень, на одном месте? А теперь села в машину. Хочет меня здесь бросить? Нет, она не умеет водить», — эти мысли появлялись каждый раз, как только я выныривал на поверхность.

Наконец, от волнения уже трудно стало дышать. Что-то происходит странное. Вера никогда себя так не вела.

О Боже! Я забыл выключить телефон! А что, если...

Адреналин током крови ударил в голову. Я выскочил на берег и кинулся к машине. И точно, в руках у подруги я увидел свой мобильник.

Ссора была резкой и стремительной. Я разозлился. Нет, просто взбесился, потому что не люблю, когда без спросу берут мои вещи. Но главная причина была не в этом. Я испугался, что Вера увидит то, что не должна.

Она, кажется, увидела. Иначе почему так странно себя повела?

Не материлась, не скандалила, просто стояла, опустив плечи, и повторяла:

— Кто я тебе, Марк?

Ее вид жертвенной овечки еще больше смутил меня, но лучшая защита — это нападение. Тоже мне, нашлась невинная душа! Неужели думала, что я с ней надолго! Дура! А когда она отказалась сесть в машину, я вообще чуть не взорвался, завел мотор и уехал.

Я изо всех сил давил на газ и кипел от злости. Когда позвонил Вадим, выплеснул ее на него.

— Какого лешего? Чего вам от меня надо? — заорал я, нажав на кнопку.

Я проскочил проселок и пулей вылетел на трассу. Резкий звук клаксона ударил по ушам, от меня метнулись врассыпную встречные автомобили. Кое-как выровнялся и помчался по шоссе, почти ничего не видя перед собой от тумана в глазах. Со всех сторон отчаянно сигнализировали водители, но мне было наплевать.

— Марк, что случилось? — в салоне надрывался голос Лерки.

— Пошла ты на...

Длинная тирада матов вырвалась из рта. Я просто не мог остановиться, так меня злило все, что происходило в последний час.

— Мы ждем тебя в баре «Причал»! — крикнула Лерка и отключилась.

«Стерва! Стерва! — колотил я по рулю и давил на газ. — Испортила такую неделю! Зачем полезла в телефон? Кто просил?»

Звук полицейской сирены дошел до сознания не сразу, и только когда наперерез выскочила бело-синяя машина с мигалками, я стукнул по тормозам. Машина закрутилась, развернулась и встала. От удара я откинулся назад, а потом резко дернулся вбок. Казалось, стекло должно разбиться, встретившись с моей головой, но оно выдержало, зато висок заломило от боли.

Я застонал и схватился руками за голову. В дверь постучали: рядом стоял полицейский и сурово смотрел на меня.

— Гражданин, опустите стекло!

— Да пошел ты! — прошипел я и схватился за руль.

Парень догадался о моих намерениях. Он отскочил в сторону и выхватил из кобуры пистолет. Все происходило, как в американских фильмах. Неизвестно откуда появился второй полицейский. Они встали напротив машины, расставив ноги на ширине плеч, и вытянули руки с оружием.

Вступать в конфликт с вооруженной полицией мне не хотелось, пришлось опустить стекло.

— Мужики, давайте решим вопрос миром. Сколько?

— Следуйте за нами.

Словно главарь мафии, я тронулся дальше в сопровождении полицейской машины. Они гнали меня до поста ДПС. Потом выехали вперед и жестом приказали остановиться.

— Выходи из машины!

— Мужики, не капризничайте, — уговаривал я. — Могу предложить много. Зачем вам и мне головная боль?

— Гражданин, выйдите из машины!

Я открыл дверь. Полицейские вытащили меня, заломили руки и прижали животом к двери. Ушибленным виском я приложился к капоту и застонал.

— Осторожнее нельзя? Я ранен!

— Переживешь! Документы?

— Отпустите меня, я достану.

Меня освободили. Я полез за сумкой, которая лежала на заднем сиденье, и остолбенел.

Одежда... Что делает здесь Верина футболка? И шорты... и...

— А-а-а...

Крик вырвался из горла непроизвольно. Я оттолкнул полицейского, прыгнул в машину и завел мотор. Никто не ожидал от меня такой прыти. Полицейские отскочили, я резко, так, что колеса завизжали по асфальту, развернулся и помчался обратно. Мой «Феррари» мог развивать отличную скорость. Вскоре бело-синие машины, ринувшиеся за мной, остались позади.

— Пожалуйста, пожалуйста, жди меня! — бормотал я. — Верочка, я сейчас. Я приеду! Жди меня!

На пляж вылетел на всей скорости, колеса забуксовали в песке. Где-то сзади я слышал вой полицейских машин, но мне было все равно. Я бросился к воде, обежал пляж, заглянул в кусты.

— Вера! Вера, где ты? Ответь, пожалуйста!

Мне казалось, я сойду с ума, и когда полицейские схватили меня, заметался как безумный, повторяя:

— Найдите девушку! Она пропала! Помогите найти девушку!

Глава 7

Полицейские меня не услышали. Они скрутили руки и потащили к машине. Я тормозил пятками по песку и орал во всю глотку:

— Уроды! Скоты! Выпустите меня! Я был с девушкой, она осталась на пляже одна!

— Да-да! Так мы тебе и поверили! — пыхтел от натуги хмурый пожилой полицейский.

А второй разговаривать не стал. Ткнул меня кулаком под ребра, я и согнулся пополам с воплем.

— Будьте людьми! Помогите найти девчонку!

Вдвоем они затолкали меня в отделение с решеткой и захлопнули дверь.

— И где же она? В ворону превратилась? — издевался мужик в возрасте.

— Не знаю. Пропала! — я тряс решетку и уже кричал, пытаясь достучаться до сознания людей. — Вера была без одежды.

— Нудисты, что ли? — засомневался невысокий кавказец с пышными усами. Он вообще казался более отзывчивым человеком, чем хмурый.

— Нет же! Просто заехали искупаться. Поссорились, я психанул и рванул к городу. Она осталась.

— Горячий, значит?

— Гиви, не слушай ты его! — хмурый стукнул по решетке. — Такие отморозки, как этот, чего хочешь наплетут, чтобы вывернуться.

— Не отморозок я! Вы хотя бы попробуйте поискать.

— Во сколько это было?

— Не знаю. На часы не смотрел. Солнце еще высоко стояло.

— Твоя подружка давно уже в город умотала. Вышла на трассу и тю-тю.

Гиви сел в полицейскую «Ниву», а второй парень пошел к моей «Феррари».

— В одних трусах — голосовать на трассу? Вы думайте, что говорите! За кого ее примут?

— Это тебе надо было думать, — Гиви завел мотор.

— А если она утонула? — тихо спросил я, обреченно оглядывая пляж.

— Почему? Плавать не умела?

— Умела...

Я устало закрыл глаза. От отчаяния хотелось выть, крушить все вокруг. Не мог я рассказать этим мужикам, насколько глупо мы поссорились с Верой.

— Тогда не парься! Твоя подруга уже давно дома сидит.

Дома? А это идея.

— Мужик, дай хотя бы телефон позвонить. А потом вези меня, куда хочешь. Сопротивляться не буду.

Мы уже выехали на трассу. Гиви посмотрел на меня в зеркало, почесал щетину на подбородке, потом позвонил напарнику. Тот остановился и принес мне смартфон. Аня ответила сразу, словно ждала звонка с трубкой в руках.

— Марк, вы куда пропали? — сразу закричала она. — Мы на яхте хотели покататься, а вас нет.

— Вера вернулась домой?

— В смысле? Вы же вместе.

— Уже нет. Так вернулась?

— Я не дома. Мы все в баре, вас ждем, — в ее голосе зазвучала растерянность.

— Мухой слетай домой. Или позвони родителям, пусть проверят.

— А что случилось?

— Живо! Пять минут тебе даю!

Я отключился и потерял виски. Голова просто раскалывалась, к горлу подкатывала тошнота. Когда посмотрел на пальцы, увидел, что они в крови. Только этого не хватало!

— Ну, вернулась твоя девушка? — я столкнулся взглядом с Гиви.

— Нет.

— Ай-яй-яй, нехорошо, дарагой. Зачем ты ее обидел.

— А я знаю?

— Вот увидишь, дома она. Прячется. Девчонки любят забиться в уголок и поплакать.

«Много ты знаешь», — хотелось сказать мне, но промолчал.

Аня позвонила через пять минут.

— Дома Вероники нет. Марк, что случилось?

— Подожди... — я закрыл ладонью телефон и крикнул Гиви: — Слушай, друг, может, отпустишь меня? Никто же не пострадал. Моя подруга не пришла домой, нужно искать.

— Вот оформим тебя по всем правилам и отпустим.

— Я готов сейчас любой штраф заплатить, прошу!

— Не получится! Много шумел на дороге. В горах так нельзя. Правила...

— Смотри, вечер уже. Скоро совсем стемнеет. А если подруга решила в город идти по береговой линии? Представляешь, в каком она ужасе? Вдруг на зверя наткнется!

— Вот тебя и надо наказать, чтобы в следующий раз головой думал.

— А если за то время, пока вы меня наказываете, Вера погибнет?

Гиви внимательно посмотрел на меня.

— И что делать будешь?

— Сейчас скажу друзьям. Начнем поиски.

— Звони. Не хочу грех на себя брать.

— Аня, слышишь меня? Вера пропала. Не кричи! Скажи всем, чтобы ехали к южному посту ДПС. С собой берите мощные фонари. Не знаешь, у кого-нибудь есть моторная лодка?

— Да, у Никиты, — сказала она дрожащим голосом и всхлипнула. — Как же так?

— Можешь отправить его вдоль побережья? Пусть внимательно смотрит, вдруг Вера пешком идет в город.

Я отдавал распоряжения, а меня уже трясло крупной дрожью. Озноб был такой, что стучали зубы, ходуном ходили колени. Пятка колотилась о пол. Думать о себе было некогда. Сейчас только одна мысль билась в виски: нужно найти Веру. Никогда себе не прошу, что оставил ее одну на пляже!

К посту ДПС мы прибыли почти одновременно. Кажется, я сегодня еще не раз совершу маршрут от пляжа к Сочи. Долго объяснять не пришлось. Все обеспокоенно выслушали меня и прыгнули в машины. Чтобы я не сбежал, Гиви забрал у меня паспорт и отпустил под честное слово, что наутро я приду в участок. Оказывается, и среди полицейских есть настоящие мужики.

Мы растянулись цепочкой и пошли вдоль берега в сторону города, но следов Веры нигде не было. Я слышал, как девчонки тихо плакали, а Лерка материлась. Немного поодаль в море мы видели катер, который двигался тем же курсом, что и мы.

Через час уже совсем стемнело. Мы собрались в кучку.

— Что делать будем? Веры нет, — тихо сказала Полина. — Нужно идти в полицию и писать заявление о пропаже.

— Я только недавно с ними общался. Бесполезно. Еще не прошло и суток, как ее нет. Думайте!

— Если она сразу пошла в город, не стала тебя ждать... Должна была уже прийти.

Аня набрала номер родителей, но ответ был неутешительный.

— Слушайте, — Лерка кинулась к нам. — Было же жарко. Так?

— Ну...

— Естественное желание спрятаться в тени. И это можно сделать только там, — она махнула в сторону горы, по склону которой черными полосами поднимались виноградники.

— Ну, ты и му...к, Вишня! — прошипела Полина и ударила меня по плечу. У нее началась истерика.

— Анька, убери от меня свою сестрицу. Я сейчас за себя не отвечаю.

Мы дружно кинулись к винограднику. Каждый выбрал себе полосу. То там, то тут мелькали огни и раздавались крики. Все звали Веру, но она как сквозь землю провалилась.

— Сюда, идите сюда! — крикнула Лерка. — Я нашла.

Я бежал так, словно за мной гнались волки. Продрался сквозь лозу, как бешеный, и добрался до Лерки первым.

— Что? Что тут?

— Смотри!

На земле лежала тряпка. Я направил на нее луч фонаря и сразу узнал полотенце, которое держал в машине. От облегчения чуть не заплакал, как маленький. Вера не утонула в море. Она пошла в город.

Я бежал по полосе, не останавливаясь, пока не выскочил на свободное пространство. Какие-то постройки виднелись впереди, но они казались нежилыми. Мы облазили все вокруг, подергали запертые двери и остановились, уставшие и расстроенные, не понимая, куда идти дальше и что делать.

— Нужно возвращаться, — сказал Вадим. — В этой темноте ничего не найдем. Одно ясно, Вера шла в город. Скоро точно появится.

Но ни наутро, ни на следующий день Вера не появилась. Я съездил в бунгало в надежде, что она ждет меня там, но здесь было чисто и пусто.

На третий день Аня не выдержала и позвонила родителям Вероники. Оставалась слабая надежда, что Вера каким-то образом улетела в Сибирь. Она домой не приехала, но дала о себе знать.

Мы выдохнули. Я выхватил трубку из Аниных рук.

— Что с Вероникой? Как она?

— Ты кто? Марк? — голос отца Веры звенел металлом.

— Да, — растерялся я.

— Не смей приближаться к моей дочери, сучонок! Если ты еще хоть раз покажешься перед ее глазами, застрелю! Сяду в тюрьму, но застрелю! Так и знай!

Я уронил руку с мобильником.

В виски стучала только одна мысль: это конец!

Мы прилетели в Иркутск. У трапа ждала машина скорой помощи. Я почти не помнила это время, постоянно находилась в полусонном состоянии из-за уколов и капельниц.

Потом месяц лежала на больничной кровати. Тело полностью было обложено специальными противоожоговыми салфетками. Они стояли, как самолет. Отец продал нашу маленькую ферму и все до копейки вложил в мое лечение.

Но больше страдало не тело. Выла от боли душа. Я не могла смотреть на потерянное лицо мамы. Она похудела и словно уменьшилась в размерах. От крупной, цветущей женщины не осталось и следа.

— Как же ты теперь, Ника? Что же мы будем делать?

— Мама, почему мне так плохо? — плакала я, когда приходила в себя. — Я не могу шевелиться, кружится голова, все тело горит. Неужели солнечный ожог — такое страшное дело?

— Ох, доченька! Если бы только ожог! У тебя была сильнейшая аллергия на траву. Под лучами солнца эти порезы вздулись и усилили ожоги.

Папа не плакал. Он смотрел в одну точку, плотно сжимал губы и цедил сквозь зубы:

— Убью!

И это было так страшно, так жутко, что я хотела раствориться, исчезнуть с лица земли, чтобы только мои родные не страдали. Даже представить не могла, что чувствовала бы я, если бы моя единственная дочь пострадала от любви.

У меня нет детей и, кажется, теперь уже никогда не будет.

Эту новость я узнала случайно.

Примерно через три недели, когда уже немного пришла в себя, я услышала разговор. Проснулась, приоткрыла глаза, хотела окликнуть маму и замерла, боясь пошевелиться.

— Мы еще можем избавиться от плода, — тихо говорила родителям лечащий врач, высокая женщина с плотным пучком на голове.

— Как же так! — плакала мама. — За что моей девочке еще и это!

— Ника сейчас в таком плохом состоянии, что не сможет выносить малыша. Да и препараты сильные получает, неизвестно, как это отразится на ребенке. При таком проценте ожогов страдает весь организм в целом.

— Нам и не нужен этот приبلудыш!

— Тихо ты! — мама стукнула отца по руке. — Разве можно так! Это же наш внук! Бесчувственный!

Я ничего не понимала. О чем они говорят? О каком ребенке? У меня будет брат или сестра? Нужно сказать родителям, чтобы не волновались, я буду помогать, если надо. Только хотела открыть рот, как врач продолжила:

— Срок небольшой, три-четыре недели. Главное, не упустить время. Еще можно сделать медикаментозное прерывание.

— Как это?

— Она даже не почувствует...

Я шевельнулась и увидела сквозь ресницы, как доктор испуганно посмотрела на меня и быстро вышла из палаты. Родители кинулись за ней.

Мне казалось, что мой мозг плавится. О ком они говорили? Что такое медикаментозный аборт? У кого три недели?

С трудом протянула руку, достала с тумбочки телефон и полезла в интернет. О таблетированном аборте написано было много. В целом, положительные отзывы. Но зачем он нужен?

Как только родители появились возле кровати, я спросила:

— А мне рассказать не хотите, о чем шепчетесь за спиной?

Мама расплакалась, и так горько, что не могла вымолвить ни слова. Отец хмуро погладил ее по спине, а губы прошептали:

— Убью сучонка!

— Папа!

Но сил сопротивляться уже не было. В какой момент меня накормили этими таблетками, не знаю. Проснулась от сильной боли внизу живота и закричала. Боль не отпускала, резала меня на части, а так как я дергалась и извивалась, в некоторых местах на салфетках проявилась кровь: лопнули не до конца затянувшиеся ранки.

Прибежала обеспокоенная врач, потом другая. Меня быстро погрузили на каталку и увезли. Очнулась уже в палате. Боли не было, ребенка, как я поняла, тоже.

В душе разливалась такая пустота, что скоро там образовалась черная дыра.

Повязки сняли к концу августа. Разглядывая в зеркало тело, покрытое огромными красными пятнами молодой кожи, я плакала. В некоторых местах на руках и ногах образовались келоидные рубцы. Родители уже записали меня на прием к пластическому хирургу.

Лицо пострадало тоже. Крохотные трусики-стринги не смогли защитить меня от солнца. Один рубец тянул вниз верхнее веко правого глаза.

— Дочка, ты не волнуйся, — мама отвернула меня от зеркала. — Я спрашивала у врачей, это сейчас лечится. Правда... — она всхлипнула.

— Мама, сама же говоришь, что лечится.

Я обняла ее за плечи и склонила к ней голову.

— А как же учеба в Москве?

Ответить я не успела.

— Никуда она не поедет! — голос отца заставил нас вздрогнуть. — В Иркутске тоже хорошие вузы. Заберу документы и переведу тебя.

— Я тебя никуда не пушу! — вскрикнула мама и схватила отца за руку. — Не смей! Ишь, что придумал!

Я только смотрела на них и ничего не понимала. Гораздо позже, когда страсти немного улеглись, мама рассказала мне, что отец хотел сам разобраться с Марком. Строил планы, рвался в столицу, хотел встретиться с господином Вишневым. Но тот постоянно жил то в Англии, то в Испании, и добраться до него не было никакой возможности.

В Москву полетела мама. Она забрала мои документы и перевела в местный вуз, вот только пришлось на год взять академический отпуск по болезни.

Это был год нескончаемого кошмара. Я перенесла несколько операций. Казалось, боль никогда не оставит мое тело. Но все проходит, подошли к концу и мои мытарства.

Долгие часы, лежа в кровати, я размышляла, как получилось, что самое прекрасное чувство на свете обернулось проклятием для моей семьи. Читала светскую хронику, изучала бизнес Вишневских. Один раз захотела позвонить Марку, но мой мобильник остался в его машине. Родители купили мне новый, с абсолютно чистой телефонной книгой, и даже сменили номер.

— Мы начнем все с чистого листа, — торжественно сказала мама, вручая мне подарок.

— Да, дочка. Забудь ты о своем парне, — поддакнул неуверенно папа и отвел взгляд.

Но он не забыл. И я не забыла. Не смогла.

Как-то полгода спустя увидела на обложке глянцевого журнала Марка с известной актрисой. Долго плакала, уткнувшись в подушку. Сердце разрывалось от горя и обиды.

— Сволочь! Сволочь! Как ты можешь? — шептала я, слизывая слезы с губ.

Но в другом журнале рассказывалось о его новом приключении, а потом еще и еще... Нескончаемая череда кукол. Каждое новое увлечение Марка оставляло на сердце новый шрам.

Решение отомстить возникло в голове не сразу. Оно появилось исподволь легкой мыслью и убежало в глубину сознания. Выглянуло еще раз и снова спряталось. Однажды я наткнулась на бизнес-статью. Два представительных джентльмена пожимали друг другу руки. Может быть, я скользнула бы взглядом и перелистнула страницу, если бы не узнала в светлокожем мужчине Ивана Вишневого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.